

# АННА МАЛЫШЕВА



Трюфельный пес  
королевы  
Джованны



Художница Александра Корзухина-Мордвинова

Анна Малышева

**Трюфельный пес  
королевы Джованны**

«АСТ»

2013

**Малышева А. В.**

Трюфельный пес королевы Джованны / А. В. Малышева —  
«АСТ», 2013 — (Художница Александра Корзухина-Мордвинова)

Даже самый преданный пес может стать опасным, даже самый близкий друг может внезапно предать. Она умеет отличать подлинник от подделки, возвращать к жизни гибнущие старинные шедевры. Но под силу ли ей отличить подлинную дружбу от мнимой, когда цена прозорливости – человеческая жизнь.

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Анна Малышева

## Трюфельный пес королевы Джованны

### Глава 1

Отдернув плотную штору и впустив в комнату дневной свет, мать обернулась и пристально взглянула Александре в лицо. Та невольно прикрыла глаза, спасаясь и от яркого солнечного луча, и от испытующего взгляда.

– Что с тобой? Почему ты так ужасно выглядишь?

Александра ждала именно этих вопросов, заданных именно в такой последовательности, – мать, как правило, всегда встречала ее этими словами. Обычно дочь отвечала, что ничего не случилось, – усталость, бессонница, много работы... Что было правдой, и мать это знала или угадывала. Но сейчас, едва заговорив, Александра поняла, что не сможет произнести ни слова прежним, естественным тоном.

– Ничего... Я устала...

Ее голос дрогнул и вдруг осип.

– То тебя к нам насильно не затащишь, то без предупреждения, без звонка являешься! И еще с сумкой... Ты уезжаешь?!

– Да, мама.

– И конечно, далеко?! И конечно, сказать об этом можно было только в самый последний момент?! Значит, в Новый год опять не вместе?! Или за неделю обернешься?

Александра стянула наконец с ноющего плеча ремень и опустила тяжелую сумку, набитую собранными впопыхах вещами и бумагами, на пол. Расстегнула куртку, но не сняла ее, тут же забыв, что хотела раздеться. Она все делала машинально, ее мысли были еще там, в мастерской, откуда пришлось так внезапно бежать. Художница не сразу услышала сердитый окрик матери:

– Да что с тобой, в конце концов?! Ты спишь, что ли?! Ты здорова?! Что случилось?!

– Я... правда хочу немного поспать.

Это было все, что смогла вымолвить женщина, но этих слов оказалось достаточно. Мать осеклась, очередной вопрос замер на ее губах. Помедлив, она уже другим, тревожным и мягким голосом произнесла:

– Ну конечно, сейчас я тебе постелю, в твоей комнате. Иди умойся и сразу ложись. Обедать потом. Да куртку-то сними!

Александра послушно, будто разом превратившись в ребенка, вернулась в прихожую, стянула мокрую куртку и повесила ее на вешалку. Прошла в ванную, заперлась, открыла кран. Набрала полные пригоршни теплой воды – роскошь, недоступная в ее брошенной мастерской, и ополоснула лицо. Почувствовав внезапную слабость, присела на бортик ванны. Вода продолжала бежать в раковину, постепенно делаясь все горячее, от нее поднимался пар и туманил зеркало... Александра уже не видела четко своего отражения, вместо него в клубах пара проступали совсем другие лица из недавнего прошлого...

Вот Маргарита – ее бегающий взгляд, нервно подрагивающие пальцы, крепко сжимающие очередную сигарету, словно собираясь ее раздавить. Такой она вчера утром появилась на пороге мастерской. Ее недомолвки, затем неожиданная откровенность, рассказ о своих мытарствах в Дании, о потерянной дочери, о провалившейся попытке украсть и вывезти в Россию собственного ребенка... Потом столь же неожиданная жестокость, напоминание о давнем ужасном дне, который Александра старалась, но не могла забыть... О том случае, когда подруга спасла ее от самоубийства и тем самым навеки записала Александру в свои должники.

А вот незнакомец, объявившийся вчера днем в мастерской, – холеный, дорого одетый адвокат. Его расспросы о Маргарите, обещание поделиться с нею некоей хорошей новостью относительно дочери.

И снова Маргарита, спустя какой-то час, в момент их последней встречи. На пороге пустой мастерской, из которой съехал сосед-художник и которую ей временно уступила для жилья Александра. Маргарита бледная, растерянная, с мокрой головой. С рыжих волос струится вода, ручейками стекая на шею, на грудь, на белье, видневшееся из-под расстегнутой кофты. Неожиданный порыв подруги – объятие, как оказалось, прощальное. Дрожь ее тела, которую успела ощутить художница.

И опять адвокат, каким Александра увидела его во второй раз, около полуночи, найдя в той самой мастерской, где простилась с подругой. Труп за дверью, застывший в позе сломанного манекена. Холодная рука, которой она едва осмелилась коснуться. На столе – остатки неудачного обеда, который они по старой памяти устроили с Маргаритой.

И наконец, последняя картина – та же мастерская, куда Александра заставила себя вернуться час спустя. Пепельница и грязные тарелки чисто вымыты, никаких остатков еды, стопка постельного белья, которую Александра оставила подруге, пропала. И самое невероятное – исчезло тело. В тщательно прибранной комнате ничего не указывало на то, что в ней кто-то обедал и кто-то погиб.

...Очнувшись, женщина закрыла кран и встала. «Разве я могла после этого остаться в том доме? Ведь я была одна, на своем чердаке... Быть может, если бы я не ушла, сама стала бы следующей жертвой! И не осталось бы никаких следов, и долго бы еще все думали, что я внезапно уехала, никого не предупредив...»

В дверь постучали, послышался голос матери, непривычно кроткий:

– Ты не уснула там? Тебе плохо?

Александра отперла дверь и шагнула в коридор:

– Все в порядке, мама. Просто вымоталась. Я пойду лягу?

– Так иди, я постелила. Ты правда еле стоишь!

Хотя Александра продолжала уверять, что все с ней в порядке, мать настояла на том, чтобы поддержать ее под локоть, довести до постели и даже уложить. Эти заботы словно выпили из женщины остатки сил. Она давно привыкла полагаться только на саму себя, а теперь с ней снова обращались как с маленькой. Уже растянувшись в постели, Александра почувствовала, что не способна сделать ни одного движения. Это ее ужаснуло. «Надо уезжать из города, а я разлеглась, среди бела дня! Как я могу спать, если меня, возможно, ищут?!»

Кто ее может искать – полиция или кто-то иной, Александра предпочитала не думать. От этих мыслей на нее находило душевное оцепенение, близкое к полной потере воли. Это чувство угнетало, а ведь прежде она в одиночку справлялась с любой бедой.

Мать не торопилась уходить. Она стояла рядом с тахтой и явно набиралась решимости что-то сказать. Александра подняла опухшие веки и шепнула:

– Что, мама? Говори, я же чувствую, ты хочешь что-то сказать!

– Отец болен.

Голос матери прозвучал так подавленно, что Александра сразу поняла – речь идет не о приступе ревматизма или простуде. Она села в постели:

– Что с ним?

– Пока неизвестно. Плохие анализы. Может быть все, что угодно. Второго января ложится в больницу на обследование.

Все это мать проговорила бегом, словно торопясь скорее избавиться от тяжелой ноши. И, внезапно обмякнув, присела рядом с дочерью на постель:

– Теперь понимаешь, почему я так настаивала, чтобы ты провела с нами этот Новый год? Ведь это, может быть, в последний раз...

– Не говори так! – Александра внезапно ощутила прилив сил, выброс жаркой энергии, целиком уничтоживший охватившую ее апатию. – Так нельзя, ты уже настроилась на самое ужасное! Ведь еще не было обследования!

– Все равно, – уныло произнесла мать. – Старость не за горами. Мы не вечные. Тебе уже сорок два... Не замужем, без детей... И останешься одна!

– Но... Мама! Сейчас совсем не об этом надо думать! – Выбравшись из постели, художница вновь принялась одеваться. Она не смогла бы пролежать и одной минуты. – Где отец?

– На работе. Он же еще работает, ты в курсе?

– Не иронизируй, я не настолько редко звонила, чтобы этого не знать! – Александра вытащила из сумки футболку и натянула ее. Зимой в своей почти неотапливаемой мансарде она могла ходить только в свитере, а частенько приходилось кутаться еще и в теплый пуховый платок. Сейчас она не ощущала ни тепла, ни холода. Возбуждение было слишком велико.

– Когда он придет с работы?

– Около семи.

– Если он работает полный день, значит, силы еще есть и ему не может быть очень плохо! Не преувеличивай, я же знаю, ты всегда впадаешь в панику!

И мать постепенно покорила ее нажиму. Она уже не выглядела такой подавленной и смотрела на дочь с надеждой, словно в ее власти было вернуть здоровье отцу, а не просто произнести несколько успокаивающих слов. Александра направилась на кухню, чтобы поесть, – ее внезапно одолел волчий голод. Было уже далеко за полдень. Она присела к столу, знакомо и уже позабыто качнувшись вправо – туда, где был неровный пол.

Мать торопливо ставила на плиту кастрюли, включала газ и, не переставая, говорила, словно пытаясь усыпить словами свой страх:

– Ему давно надо было забеспокоиться, да и мне... Я тоже виновата, что мы запустили дело! Но ты же знаешь, как отец не любит ходить по врачам! Он давно чувствовал себя плохо... Неужели ты так и уедешь, с ним не повидавшись?!

– Ну конечно, я задержусь! Я постараюсь остаться до самого Нового года!

Александра ответила, не колеблясь, однако, снова вспомнив о своих злоключениях, содрогнулась всем телом, словно сидела сейчас не на теплой и уютной родительской кухне, а в стильной мансарде, мучительно пытаясь принять решение – как выпутаться из пугающей и загадочной истории, в которую ее втянула судьба, едва женщина успела опомниться от предыдущего приключения<sup>1</sup>.

«Придется остаться. Но это значит, что в случае чего меня легко смогут найти. Слишком легко. Рита знает этот адрес. Она на него писала из Дании, прислала ту единственную открытку, четырнадцать лет назад...»

Художница окликнула мать, хлопотавшую у плиты:

– Mam, ты помнишь, мне подруга когда-то прислала из Дании рождественскую открытку? Я тогда еще тут жила.

– Это которую ты на ширму приколотла? – немедленно обернулась мать.

Александра с облегчением кивнула. Она знала, что мать трепетно хранит все письма, открытки, старые телеграммы, самые ничтожные клочки бумаги, питая к ним сентиментальную привязанность.

– Это где замерзший канал и по нему детишки на коньках катаются? – оживившись, на миг позабыв о своих тревогах, продолжала припоминать мать. – Которую Рита тебе прислала?

– Да, все верно. Она цела?

– Где-то должна быть. А зачем тебе?

– Хотела ей написать.

---

<sup>1</sup> Читайте роман А. Малышевой «Суфлер».

Мать отставила кастрюлю с огня и, наливая в тарелку борщ, поинтересовалась:

– А давно вы переписывались-то? Может, Рита уже там и не живет?

– Вот с тех пор я о ней ничего и не знаю!

Ложь вырвалась спонтанно, и, произнеся эти слова, Александра не ощутила никакого раскаяния. Подруга втянула ее в слишком мрачную историю, чтобы она могла пугать и без того расстроенную мать. Александра не помнила, говорила ли матери по телефону, когда созванивалась с ней в последний раз, что Рита собирается в Москву. Если да, то сейчас ее тут же поймают на лжи... Но мать кивнула:

– Да, совсем вы потерялись, а ведь когда-то, в Питере, так дружили! Ты сама говорила, во всей Репе не было таких подруг! Напиши, напиши ей! Ешь, а я поищу открытку. Она недалеко должна быть.

...Открытка нашлась в считанные минуты. Александра еще водила ложкой по дну тарелки, а взгляд уже был прикован к маленькому прямоугольнику глянцевого плотной бумаги, с одной стороны которого была изображена живописная зимняя сценка с катающимися на коньках детьми. На обороте значилось всего несколько строк, написанных характерным неровным, заваливающимся налево почерком Риты – такого почерка художница больше никогда ни у кого не встречала.

*«Дорогая Саша, с Новым годом тебя и с прочими праздниками. Ты думаешь, наверное, что я уже замужняя дама? Так вот, мы не поженились и не поженимся уже. Я пока остаюсь в Дании. Что дальше – неизвестно. Пожелай мне чего-нибудь хорошего, и удачи! Твоя Рита».*

Был указан и обратный адрес, как с облегчением убедилась Александра. Но немедленно спросила себя, что ей даст старая информация о месте жительства исчезнувшей подруги (да и жила ли та когда-нибудь по этому адресу?).

«И это единственная зацепка! Не просто мало, это совсем ничто! Я понятия не имею, откуда приехала Рита! Я даже не знаю, как полностью зовут ее дочь! Иоася – так она ее называла, когда рассказывала о своих датских несчастьях. Иоанна, значит? Ивонна? А фамилия?!»

Женщина отодвинула тарелку и встала из-за стола. Мать, сидевшая напротив, но не прикасавшаяся к еде, тоже поднялась:

– Второе будешь?

– Я наелась. Мне надо кое-какие бумаги разобрать.

– Ты правда остаешься встречать с нами Новый год?

Александра, охваченная острым приступом жалости, обняла мать и поцеловала в щеку. Та, не избалованная подобными проявлениями нежности, даже испугалась:

– Что с тобой?! Ты ничего от меня не скрываешь?! Сама-то здорова?

– У меня все... хорошо! – с запинкой ответила Александра.

Уединившись в комнате, которую она уже с трудом могла называть своей, потому что чаще бывала в ней во сне, чем наяву, художница достала из сумки растрепанную пачку захваченных из мастерской бумаг. Сверху лежал конверт из коричневой бумаги. Оттуда Александра, присев на край разобранной постели, вытряхнула на простыню немногочисленное содержимое: визитную карточку и лиловатый ветхий листок паспарту с наклеенной на него фотографией.

Взяв визитку, она с внутренним содроганием перечитала ее. «Демин Андрей Викторович. Член московской коллегии адвокатов».

«Вот еще одна зацепка, тут и телефон, и электронная почта... Но кому звонить? Покойнику?! Кого расспрашивать о его делах с Ритой?! Тех, кто начнет, в свою очередь, расспрашивать меня о моих делах с покойником?! Что я скажу?! Он побывал у меня в мастерской, при свидетеле, потом обнаружился мертвым в другой мастерской, ключ от которой был у меня, – и тому тоже имеется свидетель! Потом тело пропало! Что я скажу? Как оправдаюсь?»

Листок с фотографией, найденный в ящике письменного стола, когда художница собирала вещи, готовясь покинуть мансарду, одновременно притягивал ее и ужасал. Этой фотографии, на которой был запечатлен старинный серебряный предмет сервировки в виде пса, ищущего трюфели, никогда не водилось среди ее многочисленных бумаг! Листок со снимком появился там в самые последние часы перед побегом, в те страшные часы, когда она металась, как затравленный зверь, не в силах понять смысл происходящего, принять спасительное решение. Чья рука положила его в ящик? Второй ключ от мастерской имелся у Маргариты. Краткая надпись на обороте ветхого картона также была сделана ее почерком. Надпись отчаянная, необъяснимая и все же понятная Александре.

*«Найди его, умоляю! Спаси меня, как я однажды спасла тебя!»*

«Его – это серебряного пса. – Александра встала и подошла к окну, поднеся фотографию к свету. – Дальше тоже понятно: Рита умоляет спасти ее и напоминает о том, как спасла меня, когда я собиралась утопиться из-за несчастной любви. Стало быть, спасать ее надо ни больше ни меньше как от смерти. Но к чему так туманно выражаться? Почему не сказать прямо, кто ей угрожает, как это связано с псом на фотографии? Ясно, что она в смертельной опасности. Но если я найду это серебро, кому его передать, что с ним делать? Если найду... Легко сказать! Где, как?»

Но ее долгий опыт перекупщика антиквариата уже нашептывал иное, и художница слышала этот вкрадчивый шепоток сквозь увещевания испуганного рассудка.

«Это уникальная вещь! Предмет старинного парадного столового сервиза, дворцового, скорее всего. Об этом говорит и герб. Один герб уже может рассказать очень многое. Стоит показать фотографию нескольким людям, и у меня появится кое-какая информация...»

Черно-белый снимок, на который она смотрела, был сделан давным-давно, Александра полагала, что в начале прошлого века. Поджарая собака, левретка, стояла, низко опустив голову, словно приносясь к следу или к тому, что было под землей. Пружинистая поза животного, изготовившегося выкапывать добычу из земли передними лапами, была схвачена необыкновенно живо и точно. Спина собаки, прикрытая крышкой, стилизованной под попону, очевидно, представляла собой вместилище для съемного судка с кушаньем. На попоне виднелся вычеканенный герб. Надпись на обороте картона – не та кривая торопливая приписка, сделанная рукой Риты, а старая, вылинявшая, чернильная, – кратко сообщала по-итальянски, что перед зрителем не что иное, как «трюфельный пес королевы Джованны».

Regina Giovanna tartufo cane – вновь прочитала Александра и со вздохом отложила фотографию. «Маловато мне это говорит. Пес, судя по позе, собрался выкапывать из земли трюфель. Это и есть трюфельный пес, я слышала о таких, когда жила в Италии, их разводят и по сей день. Собак специально обучают искать трюфели, и стоят эти псы очень дорого. Но какая королева Джованна имеется в виду?»

За окном был обычный двор спального района: панельный дом напротив, такой же, панельный, – справа, его близнец – слева. Груды рыхлого снега, счищенного дворниками на обочины, детская площадка, машины, черные ветки деревьев в палисадниках, роняющие оттепельные капли. День, начинавшийся с яркого солнца, превратился в мутный серый кисель, в котором вязли и глохли краски и звуки.

Заурядный день конца декабря, слишком теплый для зимы, сырой. В такие дни люди жалуются на головную боль, на сердце, лица прохожих приобретают серый оттенок, а о близких праздниках напоминают только украшенные улицы и витрины. Но Александра видела сейчас совсем другую картину.

Несколько лет назад, будучи на аукционе в Риме, она получила приглашение от друзей приехать к ним в деревню, в Южном Пьемонте. В этой области Италии Александра никогда не бывала и потому с удовольствием согласилась.

Было самое начало марта. Когда поезд ранним утром остановился на маленькой станции и художница вышла на перрон, окрестности тонули в белесом тумане, который стелился над полями, обвивал длинными рваными лентами безлистные дубовые рощи. Друзья, супружеская чета средних лет, встречали ее на машине. По дороге в деревню зашел разговор о местных достопримечательностях. Церковь пятнадцатого века, здание окружного суда постройки времен Муссолини... Все почти то же самое, что можно найти в любой области Италии и что, с небольшими вариациями, Александра видела много раз. Внезапно ее ухо уловило словосочетание, которого она ни разу не слышала.

– Трюфельный лес.

– Что это значит? – спросила Александра, с любопытством глядя в окно. Машина медленно ехала по проселочной дороге, по обе стороны которой тянулись дубовые рощи.

– Здесь находят трюфели. И не простые, черные, а белые – знаменитые местные трюфели, самые пахучие и ценные. Как раз заканчивается сезон. В лесу – последние охотники.

И в самом деле Александра начала замечать в тумане между деревьями редкие смутные фигуры. Одну, вторую, третью. Они бродили будто без всякой цели, то и дело останавливаясь.

– Трюфели ищут не сами охотники, конечно, а специально обученные собаки, – объяснил ей друг. – Собака может унюхать трюфель на глубине десять – пятнадцать сантиметров под землей. Таких псов долго воспитывают, они сами по себе – состояние. Ну, и травят друг у друга их часто, конкуренция-то большая! Жаль, ты приехала поздно, мы бы договорились с одним охотником, и он показал тебе, как все это происходит.

– Вообще, они очень не любят кого-то близко подпускать, – обернулась его жена. – У них свои места, свои тайны. Это серьезный бизнес. Большой трюфель может стоить триста евро... А может и тысячу!

О трюфелях говорили потом каждый раз, когда к столу подавали неизбежное в этих краях лакомство – трюфельное масло местного изготовления. То хозяин, то хозяйка дома, где гостила Александра, уточняли, что масло изготовлено именно из белых трюфелей, а не из дешевых черных. К слову, сама художница в этом остром и жирном кушанье ничего особенно привлекательного не находила. Впрочем, она никогда не жаловала деликатесы, предпочитая простую пищу, не отягощающую желудка и не облегчающую кошелька.

...Вспомнив те давние дни, Александра безотчетно блаженно вздохнула. Конечно, тогда, как и сейчас, ее жизнь не была безоблачной и легкой. Чаще всего торговые операции с антиквариатом не приносили больших барышей, а если удавалось заработать какие-то деньги, они немедленно расходились, растворялись, утекали сквозь пальцы. Художница всегда забывала об ограниченности своих ресурсов и тратила деньги на книги, альбомы, дорогие материалы для реставрации, в самый последний момент вспоминая, что нужно было заткнуть какие-то дыры в хозяйстве.

Впрочем, мансарду, где Александра обитала вот уже тринадцатый год, вряд ли можно было назвать нормальным жилищем, а хозяйство, которое она с горем пополам вела там, – обычным обзаведением. Отсутствие почти всех необходимых удобств компенсировалось символической платой за аренду ветхого жилья. Дом в районе Китай-города предназначался «под снос» и по-прежнему числился на балансе Союза художников.

В нем остался только один жилой подъезд, да и тот постепенно пустел. На первом этаже провалились полы, и из подвала хлынули больше ничем, даже символически, не сдерживаемые крысы. Там они и хозяйничали, «танцуя с чертями гопака», как выражалась домработница скульптора Стаса. Марья Семеновна, экстравагантная старуха, блистала черным юмором, стальными зубами и винтажными костюмами, сооруженными из реквизита, которым пользовались художники. Эта полновластная хозяйка не только третьего этажа, но и всего вымирающего подъезда больше всех сокрушалась о том, что дом оставляют обитатели. Она как будто боялась существования вне этого разваливающегося вороньего гнезда, которое стало опорой

и смыслом ее собственной жизни. Марья Семеновна была в отчаянии, когда опустел и второй этаж. На днях его покинул художник Рустам, подыскавший себе более приемлемое помещение. Именно в его бывшей мастерской, ключ от которой Марья Семеновна передала Александре, произошли загадочные и страшные события: сперва убийство адвоката, а затем необъяснимое исчезновение его тела.

Пола в двух квартирах на четвертом этаже давно были в угрожающем состоянии: местами просели, а местами провалились совершенно. Эти мастерские также были покинуты. В мансарде, на пятом этаже, куда приходилось добираться уже по железной лестнице, в огромной единственной комнате, продуваемой сквозняками с пола и с крыши одновременно, до последнего дня ютилась Александра.

«Я обладала очень немногим, почти ничем... Но и это пришлось вдруг бросить, бежать!»

Она отошла от окна и остановилась посреди комнаты, оглядываясь в недоумении, будто впервые видя с давних пор знакомую обстановку. Стеллаж с книгами, шкаф, в котором Александра еще школьницей хранила свою одежду, письменный стол, исцарапанный тоже еще в школе, тахта... Ничего не изменилось, не исчезло и не прибавилось. Только потрепанная, набитая до отказа брезентовая сумка, с которой художница обычно путешествовала, стояла посреди комнаты и выглядела чем-то чужеродным, словно упавший с неба метеорит.

«Что же мне делать?» Александра задавала себе этот вопрос в сотый раз и бессильно останавливалась перед глухой стеной, отгородившей ее от любых решений. Она могла лишь сказать, чего НЕ сделает в самое ближайшее время. «Пока я не могу уехать, раз отец болен. Ничего не поделаешь, нужно остаться. Да и что бы это изменило, даже если бы я уехала на другой конец света? Ничего ровным счетом. Я все так же останусь главной подозреваемой в истории с убийством адвоката. И найти меня в любой стране мира ничего не стоит, ведь я буду пересекать границы, предъявляя паспорт. Что изменится оттого, задержат ли меня в Москве, в Вене или в Риме? Быть может, там мне придется даже труднее!»

«Трюфельный пес королевы Джованны! – повторила она, растирая ледяными пальцами вдруг занывший висок. – Только и всего! Найти его, чтобы спасти Риту. Неизвестно только, каким образом это ей поможет и как она вообще узнает, что я его нашла. Рита исчезла, как сквозь землю провалилась!»

Женщина взяла телефон и присела к столу. Придвинув стопку книг и прислонив к ним фотографию, она набрала номер. Ответ раздался, едва прозвучал второй гудок.

– Саша, это ты? – Высокий женский голос слегка вибрировал, как будто готовясь «дать петуха».

Александра невольно поморщилась, как всегда, когда слышала этот голос, хотя за годы общения с его обладательницей успела привыкнуть к режущему неприятному тембру.

– А я хотела тебе звонить! Перед праздниками столько хлопот! Вот что, нет ли у тебя хорошего подарка для одного милого человека, для моей подруги, у нее юбилей...

– Марина, я...

– Сошла бы практичная вещь, в хорошем состоянии, потолок – долларов четыреста. – Собеседница не слушала, целиком поглощенная своей заботой. – Ну, пусть пятьсот. Больше я не могу выделить на подарок. Это может быть серебряная сухарница, или небольшой молочник, или поднос, на худой конец. Что-нибудьординарное, но приятное, изящное. Можно не серебро, а глубокое серебрение. Она все равно не разбирается. Не Реньяра же ей дарить, в самом деле!

В трубке послышался визгливый смех, и Александра снова поморщилась. Она предприняла очередную попытку привлечь внимание собеседницы:

– Марина, я хотела...

– А если бы ты подыскала для нее вещицу с какой-нибудь там пчелкой, бабочкой или птичкой, она вообще была бы на седьмом небе! Любит все такое, трогательное. Или, может быть...

– У меня к тебе очень важный вопрос, касательно старинного серебряного сервиза! – почти выкрикнула в трубку Александра и была наконец услышана.

Собеседница, краем уха уловившая, что речь зашла о серебре, издавна бывшем ее страстью, тут же переключилась:

– Столового сервиза?

– Именно. – Художница перевела дух и заговорила спокойнее: – Точнее, всего одного предмета из сервиза, а может, он изначально и был один. В виде собаки, ищущей трюфели. В спине, похоже, углубление для съемной соусницы или паштетницы. Крышка в виде попоны с гербом. Что герб есть, понятно, но как следует его не разглядеть.

В трубке послышался звук, похожий на отрывистый кашель. Собеседница явно взволновалась, потому что ответила не сразу. Эту ее манеру замирать, делая стойку на возделенную добычу, Александра знала давно. Наконец Марина спросила:

– Продаешь?

– Ищу. По фотографии.

– То есть? Заказали найти такую паштетницу? Кто ее ищет?

Теперь медлила с ответом Александра. Ее собеседница знала всех солидных коллекционеров Москвы, собирающих старинное серебро. Назвать любого из них значило быть через несколько часов избалованной во лжи. Наконец, художница произнесла:

– Заказ пришел из-за границы.

– Сюда, в Москву? – того пуще насторожилась Марина. – Эта вещь в Москве?

– Я не думаю, что обязательно в Москве... – с сомнением ответила Александра. – Она может быть где угодно. Но ты знаешь, я серебром занимаюсь от случая к случаю и специалистом себя в этом деле не считаю. Ну, клейма разберу кое-как. Серебро от серебрения отличу. Могу стилистику определить. И всего-то. А ты все знаешь!

Марина польщено рассмеялась:

– Так уж и все! Но кое-что, конечно. А вот про таковую собачку впервые слышу, честно. А время? Страна? Автор?

– С первого взгляда я сгоряча отнесла эту паштетницу к Возрождению...

В трубке послышался короткий стон, и Александра поспешила добавить:

– Но это, вероятнее, поздняя стилизация. Начала двадцатого века, скажем.

– Увидеть бы мне фото! – воскликнула Марина. – Я бы, наверное, что-то смогла сказать! А страна-то известна?

– Страну определить не решаюсь. Возможно, работа французская или итальянская. На Германию как-то не думается. Слишком уж утонченная манера.

– Клеймо?

– На старом фото разглядеть клеймо?! Даже следа его не вижу.

– Ну да, нечеткое фото не поможет. – Марина была одновременно озадачена и взволнована. – Что же делать, а?

Как многие коллекционеры определенного рода предметов, рабы одной страсти, она тут же начала воспринимать задачу как свою личную. Александра не сомневалась, что в этот миг собеседница желала найти трюфельного пса ничуть не меньше, чем она сама. «А может, больше! – иронично сказала про себя художница. – Мне-то совсем не хочется связываться с этим песиком!»

– Посмотреть бы на эту фотографию, – повторила после затянувшейся паузы Марина. – Хотя бы одним глазом. Как плохо, что ты отстала от жизни и у тебя все еще нет электронной

почты! Не понимаю, как ты ведешь дела?! Неплохо зарабатываешь, купила бы хоть простенький ноутбук!

– Сама уже замучилась, – покаянно призналась Александра. – Планирую обзавестись в ближайшее время... Но сейчас мне не до того. Я ведь могу приехать и показать тебе снимок!

– Давай! – Собеседница искренне обрадовалась, и оттого ее голос задрезжал сильнее. Александра снова отдала трубку от уха, дослушивая окончание фразы: – Я весь день буду дома, доделываю кое-какие мелочи перед праздниками. Надо сдать пару статей, написать в блог... Заодно покажу любопытную тарелочку, мне привезли из Чехии. Интересно, как ты ее датируешь.

Женщины договорились непременно увидеться сегодня же.

Александра, давно отравленная безалаберной свободой чердачного житья, уже начала томиться в стенах родительской квартиры. Здесь все было раз и навсегда загнано в определенные рамки, и казалось, ничего нового произойти не может. Некогда художница пробовала объяснить матери, почему не желает жить дома, хотя бы изредка. Но ее неуклюжие попытки описать чувство внутренней свободы, которое даровала ей неустроенная чердачная жизнь, разбились об обиду и даже негодование. «А какой еще жизни тебе нужно? – с вызовом спрашивала мать. – Все так живут. Рождаются, учатся, работают, заводят семьи. Потом болезни, старость и смерть. Ты хочешь как-то иначе жизнь прожить? Не получится!»

«Действительно, я хочу жить иначе. Только не знаю как!»

Отложив телефон, женщина смотрела в окно, созерцая столь привычную картину, что зрелище даже не воспринималось полностью ее сознанием. Здесь все было из прошлого, оставшегося в памяти, но уже не трогавшего сердце. И двор, и дом напротив, и комната, где она сидела, и стол, о который оперлась локтем. В ее жизни были трудные моменты, когда и связь с родителями казалась ей навсегда оборванной. Сегодня Александра убедилась, что это не так.

Со вздохом поднявшись из-за стола, она убрала в конверт теперь уже три «реликвии»: фотографию серебряного пса, визитку покойного адвоката и старую датскую открытку. Конверт спрятала в сумку. Выйдя из комнаты, заглянула к матери. Та, устроившись в кресле, пила чай и смотрела телевизор.

– Я уеду на несколько часов, – сообщила художница.

Пожилая женщина переменилась в лице, и Александра поспешила ее успокоить:

– Да не сбегу, не думай, гляди: все вещи оставила, со мной только маленькая сумка. К семи вернусь.

– Ты всегда появляешься и пропадаешь, как привидение! – пожаловалась мать, поднимаясь и провожая дочь к двери. – Мелькнешь, и нет тебя, и была ли, уже сомневаешься...

– Теперь я не пропаду, – пообещала Александра. – Просто у меня срочное дело...

– Дела, дела, только про них и слышу. – Мать ворчала, но без настоящего раздражения, повторяя то, что говорила уже десятки раз в подобных обстоятельствах. – Когда же ты начнешь этими делами прилично зарабатывать? Другая на твоём месте давно бы устроилась... Купила бы себе квартиру. Ты же такими ценными вещами торгуешь!

Засмеявшись, художница поцеловала ее в увядшую мягкую щеку:

– А вот погоди, может, еще заработаю!

Уже на лестничной площадке она расслышала саркастическое замечание, также звучавшее много раз в ответ на ее обещания начать «зарабатывать»:

– Слабо верится!

Все еще улыбаясь, Александра стала спускаться по лестнице.

## Глава 2

Судя по тому, что Марина ждала художницу на пороге, открыв дверь и выстужая квартиру, ее нетерпение увидеть фотографию было велико. И все же она больше ничем его не выказала, сердечно обнимая гостью, целуя ее в щеку и впуская в свое жилище. Хозяйка заговорила о погоде, пожаловалась на оттепель, на головную боль, мучавшую ее в такие не вовремя теплые зимние дни, затем на то, что ей сегодня совсем не пишется... Александра, внутренне забавляясь, наблюдала это хорошо разыгранное безразличие.

– Одну строчку тут наклюю одним пальцем, другую – еще где-то... – говорила Марина, провожая гостью в кухню. – И все, издыхаю. Будешь кофе или чай?

Александра попросила кофе. Присев к столу, она расстегнула сумку и неторопливо извлекла конверт. Марина, отворачиваясь к плите, успела это заметить, но не подошла взглянуть. «Она прямо сама не своя от волнения, – отметила про себя художница, доставая фотографию. – Надо бы поосторожнее... Тут может быть что-то серьезное, о чем я понятия не имею. Если вещь краденая, из музея или из частной коллекции... В случае с Ритой нельзя надеяться, что все обойдется! Эта несчастная связалась с криминалом!»

– Любопытно, что скажешь? – произнесла художница, также стараясь скрыть волнение. – Моих познаний тут не хватает, а ты же у нас «серебряная» девушка.

Так она в шутку называла давнюю знакомую, фанатично увлекавшуюся старинным серебром и спускавшую на эту страсть все деньги. Из-за серебра пару лет назад распался брак Марины. Муж, не разделявший ее энтузиазма и не одобрявший бессмысленных, по его мнению, трат, нашел себе женщину более близкую по духу. Марина особенно не горевала, оставшись накануне сорокалетия в одиночестве. Единственный сын, уже студент, жил у своей девушки. Серебро было и его кошмаром. Александра по опыту знала, что страстные коллекционеры очень часто страдают душевной холодностью и черствостью ко всему, что не граничит с их «предметом». Она встречала настоящих маньяков, мономанов, фанатиков одной идеи, которые уже не замечали окружающего мира и даже не могли с уверенностью сказать, живы ли те или иные их родственники. Страсть к собиранию, сродни страсти к игре, алкоголю и наркотикам, поработала, поглощала и извращала все их мысли, чувства и желания. А удовлетворение, за которым гнался потерявший голову коллекционер, все не наступало.

Марина приблизилась и заглянула гостю через плечо. Когда она протянула руку, чтобы взять снимок, ее пальцы слегка подрагивали, как заметила Александра. Повернувшись на стуле, она пристально следила за выражением лица старой приятельницы, благо та была целиком поглощена созерцанием фотографии. Марина шурилась, ее густые загнутые ресницы почти сомкнулись, отчего темные глаза казались мохнатыми, но художница различала напряженную тьму зрачков. Наконец, хозяйка вздохнула и перевернула лист паспарту, желая взглянуть на оборотную сторону.

Александра вскочила и выхватила картон у нее из рук:

– Здесь не читай! – Она прикрыла нижнюю часть надписи, сделанную Ритой, негодую на себя, что не позаботилась заранее о том, чтобы Марина увидела лишь лицевую сторону. – Это неважно, написано недавно. А вот это интересно: «Трюфельный пес королевы Джованны». Как, по-твоему, это понимать?

Успела ли Марина прочесть отчаянную приписку, догадаться было невозможно. Так или иначе, фотография и надпись на обороте произвели на нее сильнейшее впечатление. На переносице даже появилась глубокая морщинка – знак серьезных раздумий и сомнений. Обычно смуглое миловидное лицо Марины, выглядевшей удивительно молодо, едва ли лет на тридцать, было совершенно безмятежно. Возможно, потому оно и не старилось по общим безжалостным законам.

– С «трюфельным псом» я еще кое-как определилась. Остроумное решение – сделать паштетницу в виде собаки, ищущей трюфели, – вынужденно продолжала Александра, так как Марина по-прежнему молчала. – Но вот «королева Джованна» меня озадачила. Это реальное историческое лицо или все выражение в целом имеет какой-то особый смысл, которого я просто не знаю? Помнишь, ты купила английские столовые приборы начала девятнадцатого века, которые назывались «Король» и «Королева»?

Выдержав паузу и вновь не дождавшись ответа, Александра уже с нажимом произнесла:

– В любом случае выражение связано с серебряной собакой. Что же ты молчишь? Хотя бы датировать эту вещь можешь?

– По фотографии невозможно что-то сказать наверняка. – Марина заговорила медленно, неохотно, словно человек, которого пытаются о чем-то расспрашивать во сне. – Ты же сама знаешь, фальшивки на снимках выглядят так же, как подлинники, и даже лучше. Мне надо его увидеть живьем... Взять в руки, оценить вес, пощупать, послушать, как звучит серебро, понюхать...

– Ты же говорила, что теперь есть присадки, имитирующие «запах серебра»! – Александра, обрадованная уже тем, что получила хоть какой-то ответ, заулыбалась. – И гарантию подлинности может дать только тест с использованием реактива.

– Или прибор... – все так же отстраненно произнесла Марина, не сводя глаз со снимка, который художница положила на стол лицом вверх.

– Ты о нем рассказывала, – подхватила Александра, не теряя надежды расшевелить собеседницу. – Будто он определяет золото, серебро и платину, причем в процентном отношении в сплаве. Почему ты так до сих пор его не приобрела, не понимаю! Ты же поклонница всяких технических новшеств...

– Я предпочитаю работать по старинке... – пожала плечами Марина. – Магнит (серебро не магнитится), игла... Если есть подозрение на посеребренную латунь или медь, достаточно слегка царапнуть, и виден красноватый или желтый металл. Капля реактива... Да капля простого йода или серная мазь, в конце концов. Почернело – серебро. Гравировка вокруг слишком тесно сидящих клейм – стало быть, вырезали настоящие клейма с ложки, перепаяли на новодельный кувшин, места пайки спрятали под узором, кувшин неделю вымачивали в деревенском сортире, так что на вид ему сделалось лет сто пятьдесят... Был у меня такой кувшинчик, помнишь? Обманулась по молодости...

– Все мы обманывались в молодости... – кивнула художница. – Да и сейчас не застрахованы от ошибок. Так что это может быть за трюфельный пес, как думаешь?

– Хотелось бы сперва понять, что это за «королева Джованна». – Марина наконец стряхнула с себя оцепенение, в которое ее повергло созерцание снимка. – Это может быть ключом ко всему остальному.

– Так ты не знаешь... – разочарованно протянула Александра.

Хотя художница понимала – ее зыбкие надежды, что старая знакомая с ходу назовет автора серебряной паштетницы и даст указания, где найти эту редкость, не более чем надежды, она расстроилась. «Уж если Марина ничего не знает... А она, похоже, не разыгрывает изумление, а правда изумлена!»

– Вещь уникальная, – продолжала Марина, уже прежним, бодрым голосом, вибрирующий тембр которого заставлял слушательницу невольно морщиться. Когда женщина говорила задумчиво и неторопливо, резкие ноты исчезали, словно затушеванные, или, как сказала бы она сама, зачерненные. – И знаешь, массив ли это серебра, или глубокое серебрение, я стала бы решать в последнюю очередь. Уж очень необычная фигура, этот трюфельный пес... Сперва увидеть бы клейма... Это бы многое объяснило!

– Увы... – Художница вновь взяла снимок и приблизила его к глазам. – Старое фото... Кстати, уже возраст фотографии косвенно дает представление о возрасте этого пса.

– Косвенные свидетельства тоже нельзя сбрасывать со счетов! – согласилась Марина. – А еще интереснее было бы узнать, кто дал тебе эту наводку?

– Этого я сказать не могу, – твердо ответила Александра.

Собеседница кивнула, не делая попытки продолжить расспросы о личности заказчика. Щепетильность Александры на этот счет была известна всей Москве. Отойдя к плите, хозяйка поставила наконец на конфорку джезvu с налитой водой и вновь повернулась.

– Манера исполнения, действительно, остро напоминает Ренессанс. Какая тонкая выдумка, ирония, смелая техника... Смотри, ведь это не штамп, не «модель собаки», а прямо-таки живая собака, унюхавшая трюфель! – Женщина восторженно указывала то на один, то на другой участок фотографии. – Гляди, как у нее на холке кожа сморщилась от возбуждения! Как задние ноги напряжены, она готова присесть, а передними начать копать... Жаль, всех деталей не рассмотреть, я убеждена, там множество очаровательных мелких подробностей! Если бы мне сказали, что это фото предмета из экспозиции музея, скажем, Дворца Питти – Музея серебра во Флоренции, я бы и сомневаться не стала, что пес прямиком оттуда. Ему самое место в коллекции Лоренцо Медичи. Но...

Марина внезапно замолчала, на ее лице мелькнула едва уловимая гримаса, не то сомнения, не то неприязни.

– Но?... – с замиранием сердца спросила Александра, которую встревожила как высокая оценка фигуры на фотографии, так и эта загадочная гримаса собеседницы.

– Если тебе поручили найти этого пса, он находится не в музее, где о нем все бы знали, а в частной коллекции, где о нем никому ничего не известно. Во всяком случае, не известно мне! – тут же поправилась Марина. – Если бы он продавался, да еще в Москве, фотография давно бы везде засветилась. Это не серебряный рубль и не подстаканник. Давно бы зашумели. Все это значит, что он не продается. Либо его здесь нет, либо он так спрятан, что тебе никогда его не найти!

Отвернувшись к плите, она осторожно всыпала в закипевшую воду несколько ложек молотого кофе, размешала и сняла джезvu с огня. Александра молча приняла чашку и, не сделав ни глотка, поставила ее на стол. Марина, нацедив себе кофе, присела напротив. Ее глаза влажно сияли – от душистого бодрящего пара, поднимавшегося над чашкой, от тайных мыслей, которые ее занимали. Теперь говорила она одна, подавленная слушательница отмалчивалась.

– А ты ждала, что я сразу скажу, где его купить, так, что ли? – Сдув пар, Марина осторожно сделала глоток. – Это вещь не рядовая... исключительная... Я бы только за право посмотреть заплатила деньги, как за билет в музей. Говорю тебе, ему место в Музее серебра во Флоренции. Если этот пес и в самом деле подлинный. Заметь, он должен быть внушительного размера! По фото точного масштаба не вычислить, но я предполагаю, в холке не менее двадцати пяти – тридцати сантиметров. Если это массив серебра, весит он немало! Впрочем, вещи из старинных дворцовых сервизов бывали и массивнее. Чего стоили чеканные блюда с позолотой времен правления Эдуарда Первого! Они ставились на носилки, которые несли на плечах четверо здоровенных слуг! На каждом блюде мог уместиться целый жареный кабан! А сервизы времен Карла Второго, под которыми подламывались ножки столов!

Марина вздохнула, переводя дух, ее затуманившиеся было глаза прояснились.

– Но в случае с этим псом речь идет о деликатесе, о лакомстве для гурманов. Возможно, блюдо готовилось и подавалось исключительно для этой самой загадочной королевы и для тех, кого она удостаивала угощением...

– Да мне-то не легче оттого, что в нем сервировался деликатес! – не выдержав, воскликнула Александра. – Мне бы знать, с чего начать, где искать этого пса! Общие фразы не помогут...

– Это так важно?

Простой вопрос был задан особенным тоном, художница сразу ощутила напряжение, маскируемое краткостью фразы. И ответила сдержанно, коря себя за вырвавшийся вскрик:

– Важно, но не для меня. Заказчик волнуется.

– Его можно понять, – кивнула Марина. – Но на его месте я бы не волновалась. Это все равно что в наши дни простому смертному всерьез переживать по поводу, полюбит ли его Мэрилин Монро. Во-первых, кто он и кто она? Во-вторых, ее давно на свете нет.

– Ты думаешь, этого пса не существует?

– Почему-то меня сразу посетила такая мысль, – призналась Марина, сделав последний глоток и рассеянно рассматривая осевшую на дне чашки кофейную гущу. – Я подумала, что ты идешь по ложному следу. Уж слишком эффектная цель... Уникальная вещь, о которой никто ничего не знает.

– Но фотография-то настоящая! – возразила Александра.

– Да, но каких лет? Ты обратила внимание, до чего она старая?

– Я решила, что это начало двадцатого века. – Произнеся эти слова, художница тут же поймала красноречивый взгляд приятельницы и спросила: – Ты думаешь иначе?

– «Начало» – понятие растяжимое, – заметила Марина. – Это могут быть и нулевые годы, как ты думаешь, и тридцатые... К чему склоняюсь я лично.

– Почему тридцатые? – удивилась Александра. – Из чего ты исходишь?

– Не из качества снимка, – улыбнулась Марина, – это, опять же, непостоянная величина. Снимали пса или в студии среднего разряда, или дома. Фото недостаточно четкое. Это снимок не для музея и не для альбома или журнала. Вот в этом я ручаюсь!

– Тогда почему...

– Обрати внимание на паспарту. – Марина кончиком ногтя тронула угол ветхого картона. – Этот лиловатый оттенок, очень характерный, и тиснение внизу. Букв нет, к сожалению, а то мы определили бы изготовителя. Но есть узоры. Видишь, можно еле различить тиснение... Дубовые листья в виде гирлянды.

Вглядевшись, Александра и сама рассмотрела то, чего до сих пор не замечала. Внизу листка полукругом тянулось тиснение, затертое, слабо различимое. Это и в самом деле были дубовые листья, как убедилась художница.

– Завидую твоему зрению, – пробормотала она, – хотя и на свое не жалуюсь.

– Это не зрение, а интуиция, – польщенно улыбнулась приятельница. – Я предположила, что дубовые листья там должны быть, как только увидела лиловатый паспарту. И поэтому смогла рассмотреть тиснение.

– Тебе знаком этот вид паспарту?

– Представь, да! Это листок из альбома, которые выпускались на территории Германии с конца двадцатых годов вплоть до второй мировой войны. Так что, когда сделана фотография, судить не берусь, а вот наклеена она была не позже тридцать девятого года.

Александра привыкла к тому, что Марина, помимо знаний о серебре, в котором разбиралась досконально, владела массой случайных и подчас очень редкостных сведений в других областях коллекционирования. И все же художница молчаливо удивлялась.

Марина, явно ожидавшая восторженной реакции и не дождавшаяся ее, была заметно разочарована. Александра опомнилась и поспешила поблагодарить хозяйку за ценную информацию, но момент был упущен, и Марина обиделась. Характер у нее был непростой, «рванный», как про себя выражалась Александра, устававшая от перепадов настроения своей знакомой не меньше, чем от малоприятного тембра ее голоса. Марина была порой сама услужливость и бескорыстие, помогала советом и делом, удачно шутила и умела оценить чужую шутку... И вдруг мрачнела, превращалась в угрюмого мизантропа, которому ничто не мило, обижалась на невинное замечание, даже на молчание, как сейчас.

– Да что там, пустяки, – отрывисто произнесла она. – Это тебе кто угодно мог бы сказать.

– Нет, не кто угодно! – настаивала Александра, которой очень не хотелось портить отношения со старой знакомой. – Да я и не поверила бы на слово кому угодно!

– А мне веришь?

– Безусловно!

– Ну и зря! Я, как все смертные, могу ошибиться!

Александра мысленно подбирала слова, которые могли бы успокоить обиженную собеседницу, попутно проклиная строптивый нрав Марины. Но изощряться в смиреннословии ей не пришлось. В комнате зазвонил телефон, и хозяйка вышла.

Художница провела пальцем по едва заметному тиснению и задумалась. Подробности, которую сообщила Марина, пока была лишь любопытной мелочью и поиски серебряного пса облегчить не могла. «Мне это не дает ничего. Альбом, выпущенный в Германии до тридцать девятого года, ну и что? Этот альбом мог быть продан в любой европейской стране, мог путешествовать со своим владельцем, хоть в Новый Свет, и фото в него могли наклеивать где угодно. Но предположим даже, что фото и сделано, и наклеено было в Германии. Стало быть, семьдесят с лишним лет назад трюфельный пес мог быть там. Не с чего начинать, совершенно не с чего. Кого из знакомых еще можно спросить о серебре?»

Спрашивать у малознакомых лиц или у вовсе посторонних Александра опасалась. Последствия таких расспросов могли быть самые неприятные. Марина, вероятно, не подняла бы шума, увидев фотографию даже краденой вещи, а тактично объяснила бы художнице, что та ввязалась в некрасивую историю. Другие, возможно, были бы не столь благородны.

«Кроме того, мне лучше сейчас нигде не мелькать. Меня могут уже искать в связи с исчезновением адвоката... – От этой мысли Александру передернуло, затылка под коротко стриженными волосами будто коснулась ледяная когтистая лапа. – Исчезновение – полбеда. А если тело нашли? Тогда это дело об убийстве. И крайней в нем окажусь я: ко мне он приходил, и убили его в квартире, ключ от которой был только у меня. Всему есть свидетели, которым молчать незачем. Только бы тело не нашли никогда!»

Взмолившись так про себя, женщина с ужасом поняла, что именно этого ей хочется в данный момент больше всего. Чтобы тело, исчезнувшее неизвестно куда, не нашли и об убийстве никто никогда не узнал, пусть ценой этому станет безнаказанность убийцы. «Я уже думаю, как сообщница... Никогда бы не смогла пожелать, чтобы душегуб разгуливал на свободе безнаказанный. А вот сейчас... Как легко изменить своим принципам, если тебе грозит опасность!»

В кухню вернулась Марина. Она вошла как раз в тот миг, когда Александра укладывала фотографию обратно в конверт. Марина сделала порывистое движение, словно пытаясь ее остановить. Художница замерла:

– Хочешь посмотреть еще?

– Да, и если можно, отсканировать. Я подумаю... Может, покажу кое-кому...

– Кому именно?

– Ты его наверняка не знаешь.

Александра колебалась. Дать отсканировать снимок, значит предоставить его для всеобщего ознакомления. Входило ли это в планы Риты? Безопасна ли огласка? Подруга в более чем краткой записке не просила о соблюдении тайны, но Александра из долгой практики поняла, что подобные поручения публичности не любят. «Сколько раз я обращалась к третьим лицам за помощью или консультацией, столько и жалела об этом. Нет, к примеру, Эрдель, старый друг, никогда меня не подводил, но он один такой. Остальные обязательно растреплют всей Москве, проси, не проси... Марина лучше многих прочих. Но и она не вполне надежна. У нее могут возникнуть свои соображения...»

– Ты боишься, – подождав, сделала вывод Марина. – Послушай, я никому не скажу, от кого получила фото.

– Дело не в этом, – скрепя сердце, вымолвила Александра.

– Боишься, что увидят твоего трюфельного пса? – Собеседница раздраженно передернула плечами. – Да сама подумай, если его никто, кроме нас с тобой, не увидит, кто тебе поможет? Я не смогу. Ты сама ничего не найдешь. Единственная возможность что-то узнать – показать знающему человеку.

– Хотелось бы знать этого самого знающего человека, – проворчала художница.

Уговоры Марины не только не переубеждали ее, но все больше настораживали. Складывалось впечатление, что та успела обдумать некую линию поведения и теперь старательно ее гнет. И все же Марина была права. «В одиночку мне не справиться, это тупик. Я не смогу. О чем думала Рита, когда просила меня о помощи?! Она же знает, что в этой области я не знаток... Или она забыла? Или ей просто не к кому было больше обратиться?»

При мысли о пропавшей подруге у художницы сжалось сердце. Как ни плохи были ее собственные дела, Рита явно находилась в реальной опасности, а не в предполагаемой. Именно это она попыталась завуалированно сообщить в своем послании. «И Рита надеялась, что я справлюсь, найду серебряного пса. Стало быть, какие-то основания для этого у нее были? Знать бы, жива она хоть или я стараюсь впустую...»

Последняя мысль будто не принадлежала самой Александре, а исходила от кого-то другого, холодно и равнодушно наблюдавшего за событиями. Иногда, в тяжелые минуты, этот «наблюдатель» являлся в сознании художницы и заставлял взглянуть на все происходящее более здраво, без эмоций, без страхов и напрасных надежд. Вот и сейчас Александра, искренне переживавшая за подругу, в то же самое время недоумевала, почему она должна прилагать такие усилия, чтобы выполнить задание, данное бесследно исчезнувшим человеком, который, возможно, будет не в состоянии даже оценить результат. «Все надо делать не так! Сперва заявить в полицию об исчезновении Риты. Рассказать об адвокате все как есть. Как он внезапно пришел ко мне в мастерскую в поисках Риты, как оставил визитку, как потом я нашла его тело тремя этажами ниже... И как через час оно пропало. Как чисто была прибрана комната, где я его обнаружила... Даже пепельницу вымыли. Вот что надо сделать, а не прятаться и не искать вовсе этого проклятувшего трюфельного пса! Всего несколько часов я о нем знаю, а такое чувство, будто всю жизнь ищу!»

– Ты не слушаешь? – донесся до нее голос Марины.

Александра очнулась. Лицо приятельницы было сердито, между бровей вновь залегла глубокая морщинка. Марина пожала плечами:

– Я пытаюсь тебе помочь, потому что ты сама сказала, дело важное. Если не нужно – не навязываюсь. Давай просто забудем об этом псе.

– Нет, что ты, я очень тебе благодарна! – воскликнула Александра. – А забыть, боюсь, не получится уже... Мне нужно найти его. Ну, хотя бы поискать, для очистки совести, чтобы знать, что сделано все возможное... Ты что-то предлагала?

– Ты витала в облаках и не слушала. – Марина, внезапно смягчившись, заговорила миролюбиво. – А я придумала оптимальный вариант. Не хочешь, чтобы снимок пошел по рукам и стал известен всей Москве? Поедем со мной к человеку, о котором я тебе говорила. Покажешь фото из своих рук. Или и этого боишься?

– Нет, это меня как раз устраивает! – воспрянула духом Александра. – Пойми, пустить дело на самотек я не могу... Это не только меня касается...

– Я все отлично понимаю и ценю твою щепетильность, потому и предлагаю такой выход, – снисходительно улыбнулась Марина. – Ты готова ехать?

– Сейчас?! – Александра одновременно испугалась и обрадовалась.

Она от души желала, чтобы поиски приобрели наконец серьезный характер, чтобы отыскан какой-то след... И вместе с тем (художница с удивлением признавалась себе в этом) боялась, действительно боялась, что у нее появится реальная возможность отыскать серебряного

пса с фотографии. Откуда взялся этот страх, почему у нее так забилося сердце, когда Марина предложила немедленно ехать, Александра не понимала.

– Конечно, сейчас. Зачем ждать? – Марина взглянула на часы, висевшие на стене.

Они были куплены несколько лет назад при посредничестве Александры, углядевшей на захудалом восточноевропейском аукционе настоящее чудо – изящные ходики с циферблатом из расписного саксонского фарфора. Художница приобрела их за цену настолько низкую, что долго сомневалась в подлинности находки. Уже в Москве, показав часы знакомому знатоку, она поняла, как ей повезло. Тот же человек свел ее с Мариной, которая как раз искала нечто в этом роде. Александра не стала заламывать непомерную цену, помня о том, что вещь досталась ей по цене имитации. Тогда они и подружились.

Сейчас синие фигурные стрелки показывали шестой час. «Даже если очень спешить, чего в данных обстоятельствах лучше не делать, мне не успеть домой до возвращения отца. Мама расстроится... Но в конце концов, я же никуда пока не уезжаю! Успеем пообщаться!»

– Далеко он живет, твой эксперт? – спросила Александра, почти не сомневаясь в том, что в ответ раздастся «совсем рядом!».

Эти слова приятельница произносила независимо от того, действительно ли искомый человек жил поблизости, или до него приходилось добираться несколько часов. Но Марина оказалась на удивление правдива. Еще раз взглянув на часы, она сдвинула брови:

– Поздновато, что говорить. Но завтра я буду очень занята, да и в ближайшие дни не соберусь. Придется ехать сегодня. Он живет на даче.

– В предпраздничное время ехать за город?! – воскликнула Александра. – Да еще в конце рабочего дня?! Ты представляешь себе...

– Представляю, как же! Москвичи рвутся на дачи, а из Подмосковья все тянутся в Москву за покупками, – отмахнулась Марина. – Но повторяю, в другой день не смогу. Или ты согласна подождать до середины января, пока вся эта суeta не уляжется и пробки не рассосутся? Гляди, мне-то не к спеху!

«Да и мне не к спеху... Совсем некстати пришелся этот трюфельный пес и королева Джованна, кем бы она ни была... – тоскливо подумала Александра. – Но Рита...»

– Так что же ты, едешь? – уже раздраженно спросила приятельница.

И художница словно издали услышала собственный голос, твердо произнесший:

– Да, конечно!

## Глава 3

Дальше ее, непривычно покорную, подхватил и понес вихрь, целенаправленный и стремительный. Марина собралась в считанные минуты, и вот они уже задыхались в набитом вагоне метро, толкались в переходах со станции на станцию, ждали на платформе нужную электричку... Марина тут же забраковала несколько отправлявшихся поездов, заявив, что ни один не остановится на нужной станции. Александра начинала испытывать опасения, которые и решила наконец высказать:

– Это какая-то глухая станция, откуда мы до полуночи вряд ли вернемся? Я не собираюсь ночевать за городом!

– Никто не предлагает! – бодро возразила подруга. – Мы отлично доберемся обратно, хотя бы и на такси. Ночью на шоссе свободнее. А сейчас единственный выход – электричка!

Отступать было поздно. Все, что Александра могла сделать, – уже из вагона позвонить домой и предупредить мать, что приедет очень поздно. Та, как и следовало ожидать, встревожилась, художнице пришлось пообещать звонить с каждого этапа пути. Пряча замолчавший телефон в сумку, она чувствовала себя школьницей, не сумевшей правдоподобно изложить свои похождения. Сидевшая напротив Марина понимающе улыбнулась:

– Для родителей мы навеки глупые дети, правда? Мне вот мама никак не простит развода... Переживает. А собственно, почему? Мы все стали намного счастливее. И я, и Сергей, и сынуля... Только и начали нормально разговаривать друг с другом, когда все разъехались. А то невозможное дело, как скорпионы в банке, вечная грызня...

– Ты даже не позвонила человеку, к которому мы едем! – нагнувшись к ней, громко сказала Александра, пытаясь перекрыть голос диктора из динамика, объявлявшего следующую остановку.

Электричка тронулась. В переполненном вагоне мгновенно стало душно. Люди стояли в проходах, теснились возле раздвижных дверей. Кисло пахло мокрой одеждой. Мелькнул освещенный лимонным светом перрон, заматаемый крупными снежными хлопьями, которые таяли, едва коснувшись черных зеркальных луж. Теперь за окном неслись бесконечный серый бетонный забор, расписанный граффити, отгораживавший железнодорожные пути от улицы. Александра, терзаемая нарастающей тревогой и ничуть не успокоенная улыбкой, которую послала ей в ответ приятельница, повторила уже настойчивее:

– Ты даже не позвонила, а вдруг его на месте не окажется?!

– Не переживай, он всегда дома, – все еще улыбаясь, ответила Марина.

– Так уж и всегда?

– Можешь не сомневаться.

– Такой домосед? – недоверчиво спросила художница. – А ты уверена, что он будет рад гостям?

– Мне уж точно. – Марина, бледная от жары и духоты, расстегнула пальто, развязала шелковый платок, которым прикрывала шею. На ее лбу выступила испарина. Конвекторы в вагоне работали во всю мощь. – Мне он рад всегда.

– Кто он? Вы давно знакомы?

Собеседница лукаво качнула головой:

– Все узнаешь в свое время.

– Но ему точно можно доверять?

– Заметь, – Марина подалась вперед, и колени женщин соприкоснулись, – ты не ответила ни на один мой вопрос: откуда у тебя фото, кто ищет этого пса? А я жертвую свободным вечером, хотя могла бы пойти в театр, меня звали на премьеру. И вопросов больше не задаю. Зато ты так и сыплешь...

– Но я должна знать, к кому ты меня везешь!

– А какая разница? – осведомилась спутница. – Тебе же все равно некуда деваться. Не бросать же все на полпути!

«Она права!» Откинувшись на спинку диванчика, Александра смежила горевшие от усталости веки. Последнее время художница дремала урывками: час, иногда два... Да больше она и не смогла бы проспать, настолько нервы были взвинчены странными и пугающими событиями, в гущу которых она внезапно оказалась вовлечена. Вот и сейчас, стоило Александре закрыть глаза, перед ней возникло бледное лицо Риты.

«Уже в тот миг, когда я прощалась с ней и передавала ключ от своей мастерской, чтобы она постерегла без меня картины, произошло что-то ужасное! У нее в лице ни кровинки не осталось, глаза испуганные, губы тряслись. И не от холода, вряд ли она замечала холод... А мокрые волосы – будто ей на макушку кувшин воды вылили! Я тогда еще задумалась, почему она хоть полотенцем голову не прикрыла, когда пошла дверь открывать. Ведь я дала ей какое-то бельишко... Рита была в панике! Кажется, больше всего она боялась, что я войду в квартиру... Может быть, адвокат был уже там. И вполне возможно, он был мертв!»

– Что с тобой? – донесся до нее обеспокоенный голос Марины.

– А что? – открыв глаза, взглянула на нее художница.

– Ты сейчас вздрогнула всем телом и вскрикнула!

– Заснула, наверное. – Александра взглянула в окно, но различила за ним лишь редкую цепь огней, рассыпанных в темноте. Поезд летел на большой скорости. Пассажиры, пригревшись, дремали, сидя и стоя, духота действовала одуряюще. – Долго еще?

– Минут пятнадцать. – Марина взглянула на часы и подняла пристальный взгляд на приятельницу. – Не нравится мне твое состояние, драгоценная моя. Не хотела говорить при встрече, но вид у тебя... Не блестящий, скажем так. Что случилось?

– Со мной – ничего... – поколебавшись, ответила Александра. – Нет, правда. Случилось с одним близким человеком... Но мне трудно об этом говорить.

– Ясно. – Лицо спутницы сделалось еще серьезнее. – В душу лезть не буду, но знай, я всегда готова помочь.

– Поэтому я и позвонила тебе, – призналась художница. – Если честно, совсем растерялась... Хотела срочно уехать из города, но пришлось задержаться, по семейным обстоятельствам... И я хочу попросить: если тебя вдруг начнут спрашивать обо мне – где я, не встречала ли ты меня...

– Скажу, что ничего не знаю, – опередив ее, завершила фразу Марина. Морщинка, прорезавшая было ее переносицу, разгладилась. Приятельница неожиданно светло улыбнулась: – Брось, не переживай сильно. Разные бывают обстоятельства. Ты что-то уж совсем приуныла!

– Вот поговорила с тобой, и стало легче! – улыбнулась ей в ответ Александра.

В самом деле, у нее отлегло от сердца, когда она услышала простые слова утешения. Ей даже удалось снова уснуть, ненадолго, но на этот раз глубоко провалившись в сон. Когда Марина растолкала ее, торопя на выход, художница почувствовала себя освеженной.

Платформа, на которой они оказались, была одной из тех, мимо которых большинство пригородных электричек проносятся мимо. Сзади она граничила с лесом, впереди, за путями, тускло светился фонарь, воздвигнутый над несколькими дощатыми ларьками, сколоченными еще в советские времена. Здесь было намного холоднее, чем в Москве, из леса тянуло близящейся стужей. Александра наглухо застегнула куртку, которую распахнула в душном вагоне. Марина тоже поеживалась.

– Глуховато, – кратко высказалась художница.

– Зато воздух! – бодро ответила Марина. – Идем, тут недалеко.

Женщины были одними из немногих пассажиров, которые высадились на платформе. Всего к лестнице, спускающейся к путям, спешило пять-шесть фигур, машинально подсчитала Александра. Они с Мариной осторожно преодолели обледеневшие железные ступени, пересекли полотно, ступая по щелистым доскам, и вышли на маленькую площадь, над которой горел фонарь. Второй фонарь, поменьше и послабее, светился над крыльцом одноэтажного кирпичного здания с вывеской «Продукты». На крыльце, под фонарем, курил мужчина. Рядом крутилась стая собак. Увидев пассажиров, собаки дружно устремились им навстречу, виляя хвостами и вразнобой потягивая. Других обывателей Александра на площади не заметила. Ларьки, угрюмой чередой стоявшие вдоль платформы, были закрыты. Марина взглянула на часы:

– Да, глушь. Тут все закрывается в семь. Жизнь замирает. Идем скорее, пока еще народ на улице...

Она храбрилась, но последнее замечание дало художнице понять, что Марине тоже страшно в этом глухом поселке, где останавливались далеко не все электрички. Женщины пошли быстро – по утопанной дорожке, ведущей вдоль высоких заборов. Резкий скрип снега под их подошвами свидетельствовал о том, что морозное дыхание, тянувшееся из леса, Александре не почудилось. «А в Москве оттепель, влажная духота, невозможно полной грудью вздохнуть, как будто что-то давит... Всего-то отъехали на пятьдесят километров к северу, и совсем другой климат!»

Марина внезапно остановилась. Александра, шедшая чуть позади, по пятам, едва не столкнулась с ней.

– Пришли. – Марина принялась стучать в кованую железную калитку, сперва кулаком, затянутым в перчатку, потом ногой. – погоди, сейчас нас впустят.

– А если никого нет дома?

– Да он всегда дома, всегда! – с внезапным раздражением ответила Марина. – Он еле передвигается, особенно в сырые и холодные месяцы. Разве что летом выползает в сад. Ноги больные, да и спина... Я не знаю, что у Птенцова здорового осталось.

– Постой! – изумленная, воскликнула Александра. – Но ведь это не... не тот самый Птенцов?!

– Вы разве знакомы? – Марина прекратила стучать и обернулась. В сумраке трудно было рассмотреть ее лицо. – Я никогда от него твоего имени не слышала. Да и ты о Птенцове не упоминала.

– Я думала, он давно умер... – вырвалось у художницы.

Марина рассмеялась:

– Так думают очень многие! Кстати, если ты ему скажешь, что считала его покойником, Птенцова это очень развеселит. Он человек с юмором.

– Но зачем ты стучишь, если он не может открыть?

– Тут есть кому открыть... – Женщина перегнулась через калитку, пристально разглядывая слабо светившиеся по фасаду одноэтажного бревенчатого домика окна. – Не думаешь ведь ты, что он в таком состоянии может жить один! Вот, услышала... Идет!

И в самом деле застекленное крыльцо, до этого темное, вдруг осветилось изнутри. Сквозь одинарные, покрытые плотной изморозью стекла показались смутные очертания движущейся фигуры. Спустя секунду наружная дверь распахнулась и на пороге остановилась женщина в наброшенной на плечи длинной шубе. Задержавшись на верхней ступеньке, она вглядывалась в темноту. Марина окликнула ее:

– Это я, Лена, открой!

– Ах, вот кто это! – густым грудным голосом ответила женщина и торопливо направилась к калитке. – А мы уже чаю попили и спать хотели ложиться... Старику сегодня нездоровится. Ты не одна?

– Это моя подруга, Саша, – представила ей спутницу Марина.

Женщина приветливо кивнула:

– Рады гостям, заходите. Сейчас валенки дам, в доме сыро... Печь еще не протопилась.

В сенях Александре выдали огромные валенки – с низко обрезанными голенищами, подшитые. Сняв сапоги и сунув ноги в выставшую валеную обувь, она сразу несколько раз подряд чихнула. А ее уже вели в кухню, куда, по деревенскому обычаю, выходили сени.

Здесь было почти темно. Настольная жестяная лампа, горевшая на тумбочке в углу, почти не освещала большого помещения. Облицованная кафелем высокая печь всю топилась, в приоткрытом поддувале метались красные блики пляшущего в топке огня. Легонько постреливали отсыревшие дрова, на чугунной плите шипели капли воды, сочащиеся по бокам огромной кастрюли. Хозяйка, подойдя к печи, сдвинула кастрюлю в сторону. На миг из открытой конфорки вырвался язык оранжевого пламени и тут же с треском исчез, придавленный широким закопченным днищем поставленного сверху чайника.

– Баллон не привезли, вот, пока все на печи грею, – объяснила она, с приветливой улыбкой оборачиваясь к гостям. – Сейчас Павла разбуду. Он лекарство принял...

– Если он спит, не надо... – Марина явно почувствовала себя неловко, хотя и пыталась держаться уверенно. – Мы приедем в другой раз. Я не догадалась позвонить перед выездом, предупредить... Спешила. Уж ты нас прости!

Александра вопросительно взглянула на нее, но приятельница этого как будто не заметила. Впрочем, Марина не выглядела чересчур смущенной и извинялась скорее для проформы. Художница, напротив, не знала, куда девать глаза. Ей все казалось, что они явились некстати. Но внезапно, поймав теплый, приветливый взгляд хозяйки, она осмелела и решилась заговорить:

– Я и не знала, что вы с супругом живете здесь. Трудно было предположить! Я помню, говорили, будто у Птенцова квартира на Ильинке...

– А мы не супруги, – с добродушной улыбкой ответила Елена. – Я его хозяйка, полдома ему сдаю.

– А квартира на Ильинке и в самом деле существует, – вмешалась Марина, стоявшая у печи и гревшая руки, прижав их к кафельным плиткам. – Там история, с квартирой этой. Две комнаты, с его вещами, заперты. В двух других живет его дочь с мужем и детьми. Это у нее уже второй муж. А еще одну комнату ее первый супруг присвоил, умудрился в свое время попасть в договор о приватизации и какие-то права на эти метры имеет... Хотя жить ему там, понятное дело, не удобно...

– Квартира стала коммунальной, – кивнула Елена, и ее полное приятное лицо омрачилось. – Павел уже и расстраиваться устал. С тех пор как его жена умерла, дочь творит что хочет. Он старается не вникать.

– Тем более тут, у тебя, ему куда лучше! – произнесла Марина, водя ладонями по кафельному боку печи. – А как дышится! Как дровишками пахнет!

– Сыроваты дровишки, вот и пахнут, – весело отозвалась Елена и спохватилась: – Что ж мы сумерничаем?

Она подошла к дверному косяку, полускрытому ситцевой красной занавеской, нажала выключатель. Под дощатым потолком разом вспыхнули три абажура, сплетенные из прутьев ивы, висевшие в ряд. Теперь Александра могла как следует рассмотреть и комнату, и хозяйку.

Внешность Елены полностью соответствовала ее голосу. Ей было лет пятьдесят, как определила художница, но на белом сдобном лице нельзя было заметить морщин. Две ямочки на щеках, как две изюминки, придавали улыбке пикантность. В голубых влажных глазах, слегка навывкате, было нечто детское, что чрезвычайно молодило их обладательницу.

«Она очень интересная. – Александра продолжала исподволь разглядывать хозяйку, снявшую с плиты вскипевший чайник и накрывавшую стол к чаю. – Можно сказать, красивая.

Сколько же лет должно быть Птенцову? За семьдесят, никак иначе. Но почему о нем давно все говорили как о мертвом? Я и не предполагала, что он просто уехал в глушь...»

– Павел живет здесь десятый год, – словно угадав ее мысли, сказала Елена, ставя на стол проволочную корзиночку с сушками и конфетами. – С тех самых пор, как его супруга скончалась. Здоровье у него слабое. В Москве ему давно пришел бы конец. Он туда и не ездит!

– Да ему туда с его ногами и не добраться. – Не дожидаясь приглашения, Марина присела к столу и, развернув леденец, сунула его за щеку. Она держалась непринужденно, как свой человек.

– Верно, ни за что не доедет, – кивнула хозяйка, вынимая из буфета «гостевые» чашки – большие, расписные, синие с золотыми цветами. – А доедет, так не вернется. Он же едва по двору таскается, куда ему путешествовать. А вы знакомы с Павлом?

Последний вопрос адресовался Александре. Художница качнула головой:

– Нет, но давно хотела познакомиться.

– Она думала, что он давно умер! – весело заметила Марина.

– Кто умер? Не я, надеюсь?

Мужской голос, раздавшийся внезапно у Александры за спиной, прозвучал негромко, но заставил художницу вздрогнуть. Обернувшись, она увидела одного из самых чудаковатых и загадочных коллекционеров столицы, которого знала только понаслышке.

Птенцов был более известен как Плюшкин – так прозвали его давным-давно, и прозвище к нему прочно прилипло. Его фамилию Александра услышала много позже. О нем говорили как о человеке феноменально скупом, питавшемся чуть ли не отбросами, державшем членов семьи впроголодь. Его слабое здоровье было притчей во языцех. Говорили, что Плюшкин еле тянет, терпеть не может больниц и докторов и предпочитает мучиться втихомолку. Но еще больше, чем своими многочисленными хворями, скупостью и скверным нравом, он был известен удивительным чутьем на старинные редкости, до которых был страстный охотник. Пополнял он коллекции так же, как болел, – втихомолку, опасаясь лишней огласки. Его собрание было у всех на слуху, но не на виду. Никто не мог с уверенностью сказать, чем владеет или не владеет Плюшкин. В квартире на Ильинке, где он, по всей вероятности, держал основную часть своих богатств, никто из посторонних не бывал. Друзей у Плюшкина не водилось. Он жил почти затворником, выставки и аукционы игнорировал. Александра, давно не слышавшая о нем, полагала, что этого человека уже нет на свете.

И вот он стоял рядом с ней. Кряжистый, плечистый, Птенцов оказался на удивление крепко сложен. Отросшие седые волосы лежали на воротнике потертого вельветового пиджака, до того измятого, словно в нем спали. Длинное лицо, болезненно бледное, небольшие внимательные глаза, цвет которых не удавалось различить, двухдневная серебристая щетина, покрывавшая впалые щеки, – все это успела заметить смущенная Александра, прежде чем отвела взгляд.

– Вы, вы! – Поднявшись из-за стола, Марина подошла к Птенцову и символически приложила скулой к его щетинистой щеке. – Ох, как я рада вас видеть, давно тут не бывала!

– И то сказать, давно нас не вспоминали. – Птенцов рассматривал незнакомую гостью поверх головы Марины, а та безостановочно тараторила:

– Решила вот, заеду перед праздниками, а то вовсе не выберусь, закручусь.

– И очень хорошо! – Птенцов не сводил взгляда с художницы, и она краем глаза видела это. – И прекрасно! Вы же знаете, я вам рад всегда.

– Садитесь чай пить! – призвала всех хозяйка, успевшая заставить круглый стол вазочками с вареньем, открыть коробку зефира и наполнить чашки свежесваренным, бледным зеленым чаем.

И только тут Марина, опомнившись от радости (настоящей или напускной), обернулась и представила свою спутницу по всей форме:

– А это вот мой старый добрый друг, Александра Корзухина-Мордвинова. Художница, реставратор, антиквариатом занимается. Салона у нее нет, работает частным образом. Не обременяя государство, так сказать.

– К чему же кого-то обременять, – с тонкой улыбкой согласился Птенцов, протягивая руку Александре. Та поспешила ответить на рукопожатие. Ладонь Плюшкина оказалась лихо-радочно горячей, словно он только что грел ее у печки, уже так и пышущей жаром. – Обременять никого не нужно. Я вот прожил жизнь, не вмешивая в свои дела государство, по мере сил. А вы не в родстве с Иваном Корзухиным? Был такой преинтересный живописец.

– Я его вдова, – призналась Александра, ощутив внезапный укол тщеславия, смешанного с удовольствием. Хотя ее брак с Корзухиным, чью фамилию она присоединила к своей, и был во всех отношениях мучительным и неудачным, ей все же льстило, если кто-то при ней вспоминал его имя, да еще с таким пиететом.

– Вот как? – обрадовался Птенцов. – Да, мир тесен. Бедный Йорик, я ведь хорошо знал его... Давно потерял из виду, а потом услышал, что он умер... Десять лет назад, весной.

– Вы и это помните...

– Моя жена умерла в том же году и даже в том же месяце, – бесстрастно ответил мужчина. – Так что невольно запомнилось. – И без всякого перехода предложил: – Давайте-ка пить чай!

– И пора, – подхватила Елена. – Садитесь, садитесь! Девочки, вы у нас и заночуйте!

– Нет, мне нужно вернуться в Москву! – воскликнула Александра, беря чашку. – Я обещала.

– А я никому не обещала! – жизнерадостно заявила Марина. – Я могу и заночевать!

Художница взглянула на нее с изумлением и немым упреком, но та как будто не поняла этого взгляда. «В Москве она говорила одно, теперь другое. – Александра молча принялась за чай. – Обещала, что вернемся, хоть бы и на машину пришлось разориться, а теперь ночевать собралась. Говорила, что звонить и предупреждать необязательно, а вышло, что не помешало бы, сама же извинялась. И главное, время уходит... Зря уходит. И приехала я, кажется, зря!»

– А что, Александра, – обратился к ней Птенцов, мгновенно осушивший чашку, которую Елена вмиг наполнила заново, – трудновато сейчас торговцам стариной хлеб дается? Раньше легче было? Кстати, как давно вы этим благородным занятием промышлять изволите?

– Тринадцатый год.

– Так это недавно... – с заметным разочарованием протянул он. – Вы, значит, не застали никого из стариков. А я вот полвека отдал этому делу. Такое случалось... Вспоминаю, самому не верится.

– А вы напишите мемуары, не первый раз прошу! – вмешалась Марина, разломившая сушку и макавшая ее в чай. – Это будет захватывающее чтение...

– Талантом Бог не наградил, – с кислой усмешкой ответил мужчина. – Что толку бумагу переводить!

– Да ведь можно литообработчика взять, – не унималась та. – Все так делают.

– Ни к чему, Мариночка. Все ни к чему! Да я уже и путаю многое... Мешаю одно с другим. Память, будто молью побило, сплошные дыры. Только тронь – ползет, на клочки распадается.

– Вот прямо так бы и начали! Я даже по вашей речи сужу, что написать вы могли бы отлично! И про плохую память не верю, не говорите этого!

– Ему бы только поспорить, – вставила словечко Елена. – Характерец, боже упаси!

– Именно, – подтвердил Птенцов. – Если уж я спорю с такими ангелами, как вы, что же я сделаю с литообработчиком, который возьмется причесывать мои мемуары?! Его бы хоть пожалели!

– А кстати, о жалости, – Марина все еще улыбалась, но ее голос сделался серьезным. – Ведь мы к вам как раз пожаловаться приехали.

– Я догадался, что не на меня с моими хворями вы любоваться отправились в такую даль, несмотря на погоду... – Мужчина тоже посерьезнел. – На кого жалуетесь?

– На собачку одну. Не можем сообразить, что она из себя представляет. Саша, покажи фотографию!

Александра подняла с пола сумку, достала конверт и бережно извлекла лист с наклеенным фото. Птенцов взял картон и несколько минут молча разглядывал снимок. На его лице не отражалось никаких эмоций. Елена, забрав чайник, отправилась подогреть его на плите. Марина сидела, слегка подавшись вперед, словно ожидая команды на старте. Александру от волнения познабливало.

Наконец мужчина перевернул картон и прочитал надписи на оборотной стороне. Художница заметила легкую тень, мелькнувшую в его глазах. Теперь она разглядела их цвет – серый. В следующий миг они встретились взглядами.

– Это, как я понял, предмет сервировки? – сдержанно спросил ее Птенцов. – А в чем состоит ваше затруднение?

– Мы не можем его датировать для начала, – ответила за приятельницу Марина. – Мы ничего о нем не знаем.

– А почему вам непременно нужно что-то узнать? – Птенцов обращался по-прежнему только к Александре.

– Потому что я его ищу, – просто ответила женщина.

После недолгой паузы антиквар покачал головой:

– По снимку, ничего не зная... Желаю удачи.

– Вы что же, больше ничего нам не скажете?! – разочарованно воскликнула Марина. – Вам никогда это изображение не встречалось?

– Впервые вижу. Но вещь примечательная, надо признать. Я думаю, она находится в частной коллекции или где-то в музейных запасниках, таких глубоких, что они не архивировались и не цифровались.

– Чтобы подобная вещь могла находиться в музее или в частном собрании и ни разу не попасть в каталог? – недоверчиво спросила Александра. – Не могу поверить.

– Почему же? – возразил мужчина. – Случается всякое. Бывают иногда чудеса. Иной раз, «навозну кучу разрывая», такое жемчужное зерно найдешь, что ах!

– То-то, что ах, – проворчала Марина. – Это роскошное серебро, и я не я, если это не массив. Я прямо чувствую!

– Ишь, какое полезное чутье у вас прорезалось, дорогая моя! – иронично заметил Птенцов. – Некоторые колдуны, вон, лечат по фотографии от всех хворей, а вы серебро оцениваете: массив, не массив. Можете теперь большие деньги зарабатывать, не выходя из дома!

– У меня нет никакого настроения шутить! – резко призналась Марина, и Александра, услышав гнев в ее голосе, с удивлением поняла, как сильно нервничает приятельница. – Ведь это совершенно уникальный предмет!

Даже хозяйка дома, до сих пор не проявлявшая интереса к снимку, подошла взглянуть и покачала головой:

– Правда красота... Из чего же это?

– Из серебра, вероятно, – пожал плечами Птенцов. – Но, может быть, это глубокое серебрение или даже плакирование<sup>2</sup>.

– Вы сейчас скажете, что это может быть и мельхиор, и «бланк металл», изделие фабрики Фраже<sup>3</sup>, родом из Бердичева! – с обидой воскликнула Марина. – Видно ведь с первого взгляда,

---

<sup>2</sup> Плакирование серебра – метод термомеханического соединения, путем горячей прокатки, двух листов металла (меди и серебра). Полученный двухслойный лист служил для штамповки изделий, причем серебряный слой располагался снаружи, медный – внутри.

<sup>3</sup> Фраже (Fraget) (1824–1939) – известная варшавская фабрика, производившая изделия из плакированного серебра и

что это изумительная авторская работа, а не какая-нибудь дешевка, рассчитанная на вкусы мелкого чиновника!

– Да, пожалуй, мелкому чиновнику, с его скромным жалованьем и вечно рожающей женой, было бы не по карману украшать стол подобными собачками, да еще и есть из них трюфельные паштеты, – со снисходительной улыбкой заметил Птенцов. – Для чего, судя по надписи на обороте, этот красавец-пес и служил.

– Так зачем же вы меня дразните? – упрекнула Марина. – Ведь вы сами впечатлены, признайтесь!

– Ну, пожалуй... – неохотно согласился коллекционер и повернулся к Александре: – Откуда к вам попал снимок, нельзя ли узнать?

– Мне его дал заказчик, который просил найти паштетницу, – просто ответила художница.

Мужчина кивнул:

– Коротко и ясно. С вами приятно иметь дело.

– Саша ни за что не назовет заказчика, – снова вмешалась Марина. – Это ее принцип.

– Люди с принципами в наше время – чуть ли не такая же редкость, как подобные вещицы. – Птенцов улыбался, но смотрел пристально, в его серых глазах не было и тени веселья. – Мне они давно не встречались. Жаль, что мы не познакомились, пока я еще жил в Москве. Вам я показал бы свое небольшое собрание всяких мелочей.

Александра понимала, что эти слова, скорее всего, простая дань любезности, но все же была приятно ими взволнована. Она знала, что коллекций Плюшкина не видел никто. «Он из тех, кто ест свой кусок под одеялом!» – как-то метко выразился о легендарном коллекционере один знакомый Александры.

– Мне самой ужасно жаль, – сказала она. – Но хорошо, что мы все же встретились!

– Я настоятельно предлагаю вам остаться с ночевкой, – церемонно произнес мужчина и даже сопроводил приглашение легким полупоклоном. – Нет, не возражайте, а послушайте! Может быть, я соберусь с мыслями и что-то вам скажу насчет этой любопытной вещицы. Меня она тоже заинтересовала!

– Соглашайся! – воскликнула Марина.

В ее голосе звучала такая горячая мольба, словно именно она и была главным лицом, заинтересованным в нахождении серебряного пса. Александра уже не знала, радоваться ли подобному участию или тяготиться им. С одной стороны, она не прилагала никаких личных усилий: поиск целиком повела за нее приятельница. С другой... «Я выпустила инициативу из своих рук, и куда меня это заведет? Смогу ли я отделаться от этих добровольных помощников, когда пес будет найден? Ведь они явно стараются не ради моих прекрасных глаз, а ради своей выгоды. Марина помешана на серебре. Она даже не жалеет о рухнувшем браке, настолько для нее важна возможность беспрепятственно собирать дальше коллекцию. Птенцов... Он себе на уме и невероятно цепок, если верить рассказам о нем... Не упустит возможности пожить. Вцепился в снимок, вон, как пальцы дрожат!»

В самом деле, узловатые темные пальцы коллекционера, сжимавшие картон с наклеенной фотографией, заметно подрагивали. Только это и выдавало охватившее его волнение: Птенцов выглядел даже равнодушным, говорил как будто с ленцой.

– Я бы с удовольствием... – начала Александра.

Тут вмешалась хозяйка. Всплеснув руками, она напевно протянула:

– Да куда же вы поедете на ночь глядя в такую даль? Осталось только три электрички, у нас же тут не все останавливаются. Вот! – Она указала на расписание, висевшее на стене,

---

мельхиора, имевшая сеть магазинов и отделений по всей Российской империи. Поставщик Двора Его Императорского Величества. Слово «фраже» стало нарицательным, и в наше время так называют предметы для сервировки стола, изготовленные и на других польских фабриках, вплоть до Первой мировой войны.

под выключателем. – Через час одна, потом в одиннадцать с минутами и в двенадцать... Но последнюю могут отменить.

– А если взять машину? – спросила художница, все больше смиряясь с мыслью, что ей придется остаться в этом чересчур гостеприимном доме с ночевкой.

– Какую машину?! – Елена даже испугалась. – Знаете, сколько с вас сдерут до Москвы?! Да никто и не поедет.

– Разве тут нет такси?

– В поселке? Нет. Это надо вызывать из ближайшего города, и еще поедут ли... И когда приедут...

– Перестань, что тут такого? – присоединилась к уговорам Марина. – Останемся, утром уедем. Позвони своим, предупреди, чтобы не волновались.

И художницу как будто вновь подхватила волна чужой воли.

Ей только оставалось покориться этой силе, не сопротивляясь, дивясь тому, как рьяно все за нее взялись. Елена отвела подруг сперва в баню, где можно было умыться, затем в комнату, где им предстояло ночевать.

Для Александры, вконец измотанной предыдущими тяжелыми днями, все здесь казалось простым и милым. Серая кошка, вопросительно мяукавшая на них с Мариной, пока они умывались из жестяного рукомойника в бане (кошка жила там с котятами, которые один за другим показывали свои острые мордочки из груды тряпья, наваленного в картонную коробку) ... Остро искрящиеся, голубые звезды, усыпавшие чернильное небо, от которого художница, выйдя на крыльцо бани, не могла оторвать глаз... Она стояла, запрокинув голову, пока еще влажные щеки не оледенели от пронзительного ветра, пока озябшая приятельница силой не увела ее в дом.

И сам дом, жарко к позднему часу натопленный, пахнувший подсохшими за печкой дровами, старой мебелью, винным ароматом яблок, замоченных в холодных сенях в пластиковой бочке... «Вот, съешьте яблочка!» – Елена с улыбкой выловила одну антоновку, крупную, бело-желтоватую, свежую, и протянула ее Александре. И терпкий вкус мякоти, в которую погрузились зубы женщины, на миг вернул ей лето...

А потом постель, мягкая, холодная, в которой она долго ворочалась, согреваясь и кутаясь, слушая, как за тонкой дощатой перегородкой стрекочут угли в остывающей печи. Хозяева ушли спать в мансарду. Марина, которой постелили на широком топчане, на расстоянии протянутой руки, в этой же в тесной комнате за кухней, шумно вздыхала.

– Что с тобой? – спросила Александра, которой эти звуки мешали провалиться в сон, такой близкий, сладко манящий.

– Ты оставила ему фотографию...

– Ну да. Не съест он ее. Утром заберу.

– Но у тебя же нет копии... – Марина села в постели. – Мы все неправильно делаем!

– А чья была инициатива сюда ехать? – Александра тоже приподнялась на локте. – Ложись, сделай милость. У меня, может быть, первая спокойная ночь намечается.

И когда приятельница, поворочавшись, наконец затихла, художница стала смотреть в не занавешенное окно, откуда ей прямо в лицо светила полная луна, вдруг вышедшая из-за кромки леса. Обычно женщину тревожил этот призрачный голубоватый свет, морок, источаемый ночным светилом, но сейчас и он действовал на нее умиротворяюще. Она откинулась на подушку и закрыла глаза, ощущая на лице бесплотное прикосновение лунного света. Так, покоряясь этой далекой холодной ласке, женщина уснула.

## Глава 4

Казалось, не прошло и нескольких минут, как ее разбудили, таким сладким и глубоким был сон без сновидений, в который она провалилась. Но, открыв глаза, Александра обнаружила, что в комнате стоит абсолютная тьма, хоть глаз выколи. Луна успела уйти, и было так темно, как бывает только ночью в деревне. Кто-то стоял рядом с постелью, Александра слышала близкое дыхание. Она не испугалась, но сердце забилося учащенно.

– Встаньте, – раздался шепот. Женщина узнала голос Птенцова. – Нужно поговорить.

Александра не стала задавать вопросов. Она и сама не хотела разбудить Марину, чье мирное посапывание раздавалось неподалеку. «И он тоже не хочет говорить при ней, очевидно!» – поняла художница.

Мужчина не уходил, ждал, пока она выберется из постели. Впрочем, стесняться было нечего, в крошечной темноте разглядеть он ничего не мог. Александра отыскала в изголовье кровати джинсы и свитер, мгновенно оделась и шепнула:

– Я не вижу, куда идти.

– Дайте руку.

В темноте ее протянутой руки коснулись холодные пальцы. По спине у женщины пробежали мурашки. Она пошла вслед за провожатым, ступая осторожно, боясь наткнуться на что-нибудь.

В кухне было также темно, жарко и душно. Печь, остывая, отдавала жар в комнату. Они прошли через помещение молча и попали в сени. Тут было свежо, и Александру вновь передернуло.

– Одевайтесь, – уже не шепотом, а вполголоса сказал Птенцов, включая свет.

– Мы на улицу? – зачем-то уточнила Александра, отыскав среди одежды на вешалке свою куртку.

Мужчина не ответил и тут же погасил слабенькую лампочку. Сам он был полностью одет на выход, как заметила художница. Она вышла вслед за ним на крыльцо в валенках, которые выдала ей Елена. Во дворе было светлее от снега, источавшего слабое свечение. Они молча пересекли двор, Птенцов открыл разбухшую дверь бани и жестом пригласил Александру войти. Оказавшись в помещении без окон, где умывалась перед сном художница, он включил свет и с тяжелым вздохом опустился на скамью. Стоять, двигаться ему было, видимо, нелегко.

– Тут можно и поговорить, – сипло произнес он. – Да что вы стоите? Садитесь.

– Зачем такая конспирация? – Александра послушно опустилась на топчан, застланный продраным в нескольких местах ватным одеялом. – Который час?

– Пятый. Все спят. А осторожность не повредит в таком деле, как ваше.

Лицо Птенцова было очень серьезно. Александра нахмурилась:

– Вы что имеете в виду?

– Во-первых, зря вы привлекли Марину, – желчно ответил собеседник. – Она не умеет молчать... Крепитесь до поры до времени, но уж если заговорит, звон пойдет на всю Москву.

– Кроме Марины, у меня нет знакомых, хорошо разбирающихся в серебре! – пожалала плечами женщина. – Выбора не было.

– Я вас ни в чем не обвиняю, просто предупреждаю, чтобы вы с ней не откровенничали! С этой минуты все должно оставаться между мной и вами!

«Так я и знала, он хочет ее устранить! У коллекционеров друзей не бывает! Однако Птенцов прямо зажегся, ему пес покоя не дает!» Вслух же Александра с деланным равнодушием произнесла:

– Договорились, больше ничего ей не расскажу.

Птенцов, с напряженным вниманием ожидавший ответа, облегченно вздохнул:

– Ну, слава богу, вы разумный человек! А я боялся услышать какую-нибудь сентиментальную рацею о вашей старой дружбе... Я ведь тоже ее давно знаю, хорошо к ней отношусь и почти доверяю... Но не в подобных ситуациях.

– Вы считаете ситуацию настолько серьезной, что обсуждать ее можно только в бане, в пятом часу утра?

Александра приняла шутливый тон, но тут же перестала улыбаться, встретив взгляд собеседника. Он смотрел на нее такими колючими глазами, что у нее пропало желание иронизировать. Запнувшись, она после паузы спросила:

– Вы когда-нибудь встречали изображение этого пса? Ведь встречали? Марина сказала, вы знаете все, что только возможно!

– Нет, – ответил мужчина. – Не встречал. Я сказал вам правду, я впервые увидел снимок.

– Но за эти несколько часов вы что-то узнали о нем?

– Очень немного, и только то, что можно было узнать по старому фото среднего качества.

Серые глаза коллекционера будто подернулись пеплом.

Александра никак не могла определить их выражение. Оно попросту отсутствовало.

– Единственное, что поможет узнать конкретные подробности об этом псе, это герб, вычеканенный на попоне, – продолжал Птенцов, доставая из внутреннего кармана полушубка фотографию, бережно уложенную в прозрачный пластиковый файл, и протягивая ее Александре. – Вам-то удалось разглядеть герб?

– В общих чертах. – Женщина, вынув снимок, всмотрелась в него. – Попона сделана в виде щита, так?

– Верное замечание. А на щите вы что видите?

– Три какие-то фигуры... Одна над другой... Какие-то звери.

– Какие же именно? У вас глаза лучше моих, я, старик, и то разобрался.

– Не знаю, – покачала головой женщина. – Трудно понять. Только одно могу утверждать, что все три зверя одинаковые и в одинаковых позах.

– Ну да, шествующие леопарды, стоящие на трех лапах, правая передняя лапа занесена. К сожалению, не могу различить, обращена ли голова на зрителя или повернута в профиль. В зависимости от этого перед нами либо леопарды, либо леопардовые львы.

– Разве бывают леопардовые львы? – изумилась Александра, проникавшаяся все большим уважением к собеседнику. Она очень жалела о том, что их знакомство не состоялось раньше и при менее экстремальных обстоятельствах.

– В геральдике бывают и василиски, и единороги, и драконы... – улыбнулся мужчина. – И еще более удивительные существа, состоящие из частей трех-четырех разных животных, реальных и вымышленных, такие, как энфийлд<sup>4</sup>, например, или вайверн<sup>5</sup>... И даже то, что называется антилопой, имеет голову тигра, клыки кабана, хвост льва... Хотя антилопу художник мог видеть, в отличие, скажем, от тигра, которого рисовал исключительно из воображения. Откуда взялось волчье тело, львиная грива и клюв! А разница между львом и леопардом в нашем случае не зоологическая, а чисто геральдическая: классический геральдический лев должен стоять на задних лапах и быть повернут в профиль. Лев на трех лапах называется леопардом или леопардовым львом, в зависимости от поворота головы. Классический лев с обращенной на зрителя мордой называется еще львиным леопардом... Но все это лишняя информация для вас, пожалуй, – остановился Птенцов, заметив растерянное выражение на лице слушательницы. – Ведь вас интересует, конечно, кому именно принадлежал этот герб?

---

<sup>4</sup> Энфийлд – животное с головой и хвостом лисицы, задними ногами и туловищем волка, имеющее вместо передних ног орлиные лапы.

<sup>5</sup> Вайверн – двуногий крылатый дракон с телом, переходящим в длинный остроконечный хвост, обыкновенно свернутый кольцом.

– Меня это бесконечно интересует, – выдохнула Александра.

– Ну что ж... – Антиквар помедлил, явно наслаждаясь ее волнением. – Исходя из того немногого, что мне удалось разглядеть, я предположил, что перед нами герб Анжу-Сицилийского дома. Точнее, один из его гербов, менее известный, чем знаменитый классический: щит, рассеченный на лазоревое поле, усеянное золотыми лилиями с червленой главой, и серебряное поле с золотым иерусалимским крестом, – щит великого Карла Первого Анжуйского. А именно, перед нами герб одной из ветвей графов Анжу.

– Графов Анжу... – как зачарованная, повторила художница, не в силах оторвать взгляда от фотографии. – Значит, этот пес французского происхождения?

– Может быть... – Достав из кармана лупу, мужчина жестом попросил вернуть ему снимок и принялся сызнова разглядывать детали, попутно комментируя: – Три шествующих леопардовых льва или леопарда... Да, работа может быть французская и с равными шансами итальянская. Полагаю, этот предмет сервировки получила в приданое одна из девиц Анжуйского дома... «Королева Джованна» – вам это имя ни о чем не говорит?

– Увы, ничего в голову не приходит... – виновато призналась Александра. – Значит, эта королева действительно существовала?

– Ах, боже мой... Существовала ли она? – Мужчина устремил на художницу недоверчивый и вместе с тем, как ей показалось, слегка растерянный взгляд. – Вы изумляете меня... Существовало несколько королев с именем Джованна – Джованна Первая, Джованна Вторая... и в них несложно было бы запутаться, тем более порядковый номер не указан! Не говоря уже о том, что могла иметься в виду также королева Иоанна или королева Жанна, их имена могли произноситься и писаться подобным образом. Но эти леопарды... И то, что старая надпись на обороте сделана по-итальянски... Это значительно сузило ареал моих мысленных поисков.

– Итак? – трепеща, спросила Александра, когда рассказчик вдруг замолчал. – Кто же она?

– Я сразу исключил известную мне Жанну (Иоанну) Первую Наваррскую, правившую Францией в самом конце тринадцатого века, потому что тогда на попоне логично было бы увидеть герб дома де Блуа-Шампань. Также, из-за несоответствия герба, я с облегчением исключил из зоны поиска всех представительниц Арагонской династии Трастамара, живших в Неаполитанском королевстве в пятнадцатом-шестнадцатом веках. Все они носили родовое королевское имя Джованна, а точнее, Хуана, все были Хуаны Арагонские, и было их до пяти, если мне память не изменяет. Самая известная из них – Хуана Безумная. И что же у меня осталось? – С нежностью глядя на снимок, мужчина произнес, смакуя каждое слово:

– Две знаменитые королевы Неаполя, четвертая и седьмая по счету, Джованна Первая и Джованна Вторая. На последней угас королевский неаполитанский дом, основанный Карлом Первым Анжуйским. Но все эти беды накликало правление Джованны Первой, которую задушили, когда будущая Джованна Вторая была девятилетней девочкой... Именно Джованна Первая, коварная, блестящая, умная и жестокая и вместе с тем слишком женщина, всегда доверявшая зову чувства, распутница и авантюристка, и предрекла во многом гибель королевского неаполитанского дома анжуйцев... Своим завещанием в частности... Так которая же из этих королев имеется в виду?

И вновь повисла пауза, нарушать которую художница уже не смела. Она сидела так тихо, что слышала шум крови в ушах. «Джованна Первая... Что-то вертится в голове в связи с Боккаччо, который подвизался при ее дворе... И еще в связи с чумой, да, с «черной смертью»... Может ли это быть?! Раннее Возрождение, четырнадцатый век, да еще и предмет, принадлежавший знаменитой королеве!»

– Собственно говоря, нет разницы, какая именно из этих королев имела отношение к серебряному псу! – неожиданно заключил Птенцов. В его голосе, ставшем вдруг резким, послышалась желчная горечь. – Это уже из области домыслов, ни по снимку, ни по надписи больше ничего не определить... Мы с вами и так слишком многое приняли на веру... Во всяком

случае, я. Увлёкся, как мальчишка! А в сущности, кто вам сказал, что этот пес есть? Почему вы так уверены в этом?

– Моя знакомая, которая просила найти его, так считает... – проговорила женщина, чье приподнятое настроение тут же сменилось подавленным. Уж слишком много горькой правды было в словах собеседника. – Больше я не знаю ничего.

– Она сделала эту отчаянную приписку? – Птенцов перевернул картон и постучал пальцем по обороту: – Прямо крик души!

– Да, она!

Александра не видела больше смысла таиться. Она понимала, что антиквар рассчитывает на ее откровенность, в противном случае просто откажется помогать. «Ведь, может быть, он сказал далеко не все, о чем догадался или давно знал! Может быть, он ждет какого-то ответного шага с моей стороны! Как только ему покажется, что я уваливаю от прямых ответов, он тоже закроется, и будет прав!»

– Простите, но тут ваша знакомая просит «найти его», да так настоятельно. – Птенцов не сводил с собеседницы испытующего взгляда. – Значит ли это, что она обладала им, а потом потеряла? Или имеется в виду что-то другое?

– Поверьте, я впервые взяла в руки этот снимок сегодня утром. Мне его попросту подкинули! Никогда об этом псе не слышала ни от подруги, ни от кого другого. Но думаю... Вряд ли она могла владеть такой ценностью.

– Ваша подруга небогата?

– Она в настоящий момент попросту нищая... И еще бездомная. – Александра взвешивала каждое слово, прежде чем произнести его, боясь сказать лишнее. – И у нее очень тяжелые личные обстоятельства... Нет, откуда взяться этому сокровищу... Ведь псу место в музее!

– Если я прав в своих догадках, он мог бы украсить любое, самое богатое собрание, – антиквар кивнул. – Но... тогда ее просьба представляется мне странной. Она, как я понял, шантажирует вас дружескими отношениями, умоляя найти по снимку совершенно неподобающую и ценную вещь, что само по себе сложно... И не дает никакой информации! А ведь она могла бы кое-что рассказать об этом псе, полагаю, это убило бы наши поиски!

«Он уже говорит “наши поиски”!» – отметила про себя Александра, а вслух произнесла:

– Боюсь, она просто не успела написать ничего больше... Думаю, у нее была всего минута-другая, чтобы оставить мне снимок и черкнуть пару строк.

– То есть обстоятельства настолько тяжелые... – негромко, словно про себя заметил антиквар.

– Боюсь, да, – отрывисто ответила Александра.

Она подошла к опасной черте, за которой придется либо рассказать об убийстве адвоката и бегстве Риты, либо совсем замолчать, и боялась дальнейших расспросов. Но Птенцов как будто ощутил ее нарастающую тревогу и замолчал. Какое-то время он смотрел на снимок так пристально, словно стремился запечатлеть его в памяти навсегда, затем протянул его женщине:

– Возьмите, спрячьте подальше. И упаси боже, никому не показывайте больше. Я уверен, с этим псом связана темная и опасная история, раз ваша подруга оказалась в положении, когда ее приходится спасать. Она либо не уберегла его от воров, либо сама украла.

Александра сделала протестующий жест, но мужчина покачал головой:

– Не ручайтесь ни за чью честность. Человек за себя самого ручаться не может, куда уж за других!

Художница взяла картон, и на миг через него ей передалась мелкая дрожь руки сидевшего напротив человека. Только миг изображение серебряного пса было связующим звеном между ними, но этого ей хватило, чтобы ощутить глубокое волнение антиквара, умело изображавшего голосом и выражением лица спокойствие.

– Я тоже думаю, что она впуталась в криминальную историю, – сказала Александра, принимая усилие, чтобы не выдать своего смутения. – Но что же делать? Бросить все?

– Нет, бросить нельзя! – голос мужчины окреп, в нем звякнула сталь. – Если она просила его найти, значит, это в принципе осуществимо, значит, он где-то рядом!

«И ты мечтаешь им завладеть!» – закончила про себя Александра. Вслух же она произнесла:

– Да я и не собиралась бросать это дело на полпути. Меня тоже заинтриговал этот пес. В конце концов, мне хочется понять, что это такое. Если все так, как вы говорите, мы имеем дело с уникальным произведением искусства!

– Давайте спать! – неожиданно предложил мужчина, поднимаясь и застегивая полушубок. – Рассветет еще не скоро, а мы тут встаем с солнцем. Утро вечера мудренее.

И видя, что удивленная собеседница, считающая, что разговор не окончен, хочет что-то спросить, приложил палец к губам с заговорщицким видом:

– Все, остальное утром! Проводить вас в дом?

– Я дойду сама...

За мужчиной захлопнулась тугая дверь, ведущая в предбанник, вздрогнули тени по углам. Из-под дощатого потолка на оборвавшейся серой пыльной паутине свесился дохлый паук – Александра слабо вскрикнула, увидев его перед самым лицом. Внезапно ей показалось, что она спит и видит эту холодную баню во сне. Сном был мужчина, только что сидевший напротив, сном были леопардовые львы и львиные леопарды – так сознание спящего бормочет, переходя вброд реку, за которой теряют смысл все слова... А на другом берегу живут уже не львы, а символы львов, не леопарды, а идеи леопардов, и не люди, а тени людей... И художница, с удивлением обнаружившая себя в бревенчатом строении с низким потолком, обметанным паутиной, сама себе показалась сном.

«Так что же это? – спрашивала Александра, вертя в руках картон с наклеенным снимком. – Мистификация? Или в самом деле шедевр? Может ли быть, чтобы Рита каким-то образом оказалась причастна к исчезновению подобной ценности, да еще и отвечала за ее пропажу своей жизнью?!»

Внезапно в ее сознании проснулось воспоминание, совсем недавнее, относящееся всего лишь ко вчерашнему дню. Но Александре казалось, что эту исповедь она слышала от Риты очень давно: «Лукас, отец моей дочери, жил какими-то спекуляциями... Я подозреваю, что он перепродавал краденое, которое ему спихивали старые дружки. Он ведь сидел за кражу, еще в юности!»

«А потом ее жених пропал и нашелся спустя две недели в городском морге, изуродованный до неузнаваемости, как сказала Рита. Разве это не говорит о том, что он связался со старыми товарищами, которые свели с ним счеты? Его убили ударом по затылку, потом попытались сжечь... Но из-за чего, что не поделили? Рита не сказала... Не знала или не хотела сказать? Причина должна быть очень серьезной...»

Александр пробрал озноб, женщина торопливо встала. Спать не хотелось, не хотелось возвращаться в жарко натопленный дом, лечь в непривычно мягкую постель. Она уехала бы отсюда немедленно, если бы это было возможно. Но были ли в этот час поезда на Москву, да и в какой стороне станция? Александра этого не помнила.

«Нужно дождаться рассвета, разбудить Марину и сразу уехать, а в Москве я все обдумаю. Доверяться ли Птенцову? Это может быть слишком рискованно. Он будет действовать только в своих интересах. Да, собственно, любой так поступит. Пес слишком хорош, вот в чем беда! Стоило любителям серебра его увидеть, и они потеряли голову! Да что они, даже я...»

Да, эта серебряная вещица интересовала ее больше, чем она осмеливалась в этом себе признаться. Никогда еще ей не доводилось разыскивать подобный шедевр. «Сколько пес может стоить? – Александра закрыла глаза, представив себе сумму с многочисленными нулями. –

Безумие... Это великолепный экспонат для любого музея, для солидной коллекции. Сейчас и просто хороший старинный массив серебра, не плакированного, не «бланк металла», еще со старинной лотовой пробой – редкость! Не найти за сходную цену днем с огнем. А отыскать такое чудо...»

Художница вышла во двор и остановилась, в замешательстве глядя на темные окна дома. Улица, еле различимая за оградой, спала, нигде не мелькало ни искры света. И только далеко, на фоне затянутого снеговыми тучами неба, слабо отражалось зарево далеких столичных огней. Поддувал низовой ветер, женщина ежилась от холода, но голова у нее горела будто в лихорадке.

Внезапно в глубине темного окна, смотрящего прямо на нее, вспыхнул огонек, крохотный и слабый, словно кто-то зажег спичку и тут же задул. Александра пошла к дому, поднялась на крыльцо, потянула на себя дверь. Прокралась через сени, постояла в кухне, прислушиваясь к потрескиванию дотлевающих углей в закрытой печи. Других звуков в доме слышно не было. Ощупью, впотьмах, Александра отыскала за ситцевой занавеской дверь в комнату, где постелили им с Мариной. Войдя, она сняла куртку, бросила ее рядом с кроватью, скинула валенки, спросила шепотом, на всякий случай: «Марин, ты спишь?» Не получив ответа, улеглась и вскоре, вопреки своим ожиданиям, уснула.

На этот раз ее никто не будил, она проснулась сама и некоторое время лежала, нежась в солнечных лучах, беспрепятственно проникающих в не занавешенное окно. В комнате никого, кроме нее, не было. Свернутая постель Марины аккуратным валиком лежала на краю топчана. Из кухни доносились голоса.

Александра вышла, и хозяйева, сидевшие за столом, пившие чай, встретили ее дружелюбными возгласами:

– Хорошо спалось? Это от здешнего воздуха, после Москвы! – говорила Елена, на чьем белом, сдобном, заспанном лице еще не разгладился след от подушки.

– Мы к вам два раза заглядывали, но не разбудили, пожалели! – сообщил Птенцов, разламывая пополам бублик.

– А где Марина? – все еще сонно осведомилась Александра, присаживаясь к столу.

– Уехала, – невозмутимо сообщила Елена, наливая госте чашку чая.

– Как уехала?! – воскликнула Александра. – Когда?

– Да уж часа полтора назад. – Елена придвинула ей чашку. – Ничего, я вас до электрички провожу! Тут недалеко!

– Близко, – подтвердил Птенцов. Вид у него был самый безмятежный. – Пять минут ходьбы. Здоровыми ногами, конечно, не моими подпорками.

– Но почему она уехала без меня? – недоумевала художница.

– Торопилась, – спокойно пояснила Елена, отправляя в рот кусочек молочно-белой халвы. – Дела у нее какие-то нашлись.

– Но она мне говорила, что никуда не спешит!

– Мало ли что она говорила? Вспомнила о чем-то и заторопилась! Дело предпраздничное... У меня самой голова кругом. Да вы берите варенье, это все из своей ягоды!

Варенье, которое приветливо предлагала хозяйка, действительно оказалось отличным: клубника еще сохранила запах лета, красные ягоды словно парили в густом сиропе. Александра тем не менее старалась не засиживаться за столом. Елена уговаривала ее остаться на полдня и погулять на деревенском воздухе, уверяя, что бледность гостыи происходит исключительно от городской жизни. Птенцов не принимал участия в уговорах и держался так, словно и не было никакого ночного разговора наедине. У художницы даже создалось впечатление, что ее присутствие чем-то ему неприятно. Она поднялась из-за стола:

– Мне пора! – И, не слушая увещаний Елены, обратилась к Птенцову: – Как же насчет того, о чем мы говорили? Вы мне поможете?

– Я должен сперва подумать.

Теперь она не сомневалась – в его голосе явственно хрустнул лед. По каким-то причинам он не желал касаться опасной темы. «Неужели его стесняет даже Елена? Она ведь совершенно равнодушна к серебру!»

– Вот мой телефон, – Александра написала номер на листке в блокноте и, вырвав его, протянула мужчине. – Я буду очень признательна, если вы поделитесь со мной какими-то идеями.

– Не сомневайтесь, поделюсь. Как только идеи у меня появятся, – сухо ответил тот.

Впрочем, свой номер взамен все же продиктовал – художница даже не рассчитывала, что он это предложит. Попрощавшись с Птенцовым, Александра оделась и в сопровождении хозяйки вышла на крыльцо.

Легкий морозец, сменивший вчерашнюю оттепельную сырость, мгновенно прогнал остатки сна. Елена, спускаясь по ступенькам, говорила без умолку:

– Мы как раз успеем на электричку в девять тридцать две, если прибавим шаг. Сейчас, перед праздниками, они так плохо ходят, не отменили бы и ее! А то придется ждать на холоде еще час. Курточка на вас уж больно легкая, не для зимы...

– Я привыкла, – машинально ответила Александра, пересекая двор вслед за хозяйкой.

У калитки она оглянулась и вздрогнула, увидев в окне кухни Птенцова. Тот стоял неподвижно, его бледное лицо за чистым стеклом казалось восковым. Художница помахала ему на прощание, но он не сделал ответного жеста, словно, глубоко задумавшись, не видел ее.

– Чем он болен? – спросила она, выходя в проулок за Еленой.

Та обернулась:

– А всем сразу. И ревматизм, и сердце, и сосуды. Он ведь лагерник.

– Сколько же ему лет?

– Семьдесят три исполнилось.

– Но как же он... – Александра произвела мысленные подсчеты. – Во сколько же лет он в лагерь попал?

– В три года, – обернулась женщина. – В Освенцим, с матерью. Их угнали с Псковщины.

– О, боже...

– Мать умерла там, а он выжил. Когда лагерь освободили, ему было шесть лет. К счастью, отец с фронта живой и целый пришел, разыскал его, забрал из больницы и увез в Москву.

– Необыкновенная судьба...

– По тем временам – почти обыкновенная, – с грустью ответила Елена, замедляя шаг. – Разве что выжить ему там удалось... Чудо, конечно. Только рад ли он был этому? Такое даром не проходит. Казалось бы, после войны, с отцом и мачехой, он жил в Москве вполне благополучно, сыто, был всем обеспечен, отец занимал крупную хозяйственную должность... Даже машина служебная у них была! А Павел много лет еще продолжал прятать куски – хлеб, картошку, мясо... И ночью ел, в темноте, всухомятку. Даже и сейчас по ночам встает и ест, крысатничает. При всех не любит. Ну и болезни на всю жизнь привязались. Тем более он не лечился никогда, докторов хуже смерти боится. Он мать-то не помнит, а Менгеле помнит. Так что Павел слегка с причудами, сами понимаете. Если что-то скажет поперек, вы не сердитесь!

– Я и не думала сердиться... – взволнованная, тихо ответила Александра.

– Пришли. – Елена указала вперед, на площадь с ларьками, за которой виднелась платформа. Возле железнодорожного переезда толпились люди, человек двадцать. Женщина удивилась: – Что это там? Идемте-ка, посмотрим.

– Не опоздаем на электричку?

– Нет, время есть еще.

Они подошли к тому самому месту, где Александра с Мариной накануне вечером переходили пути. Народ оживленно что-то обсуждал, говорили все разом, понять, о чем, было невозможно. Елена высмотрела и окликнула молодую женщину в серой дубленке:

– Что тут у вас?

– Да какая-то под поезд бросилась! – звонко ответила та, поворачивая к ним румяное скуластое лицо, с такими яркими голубыми глазами, что даже ресницы отливали синевой. – Часа два уж назад, затемно еще. Ждем полицию, никак не едут.

– А кто?! – воскликнула Елена.

– Я ее не знаю. Никто не знает. Вон, лежит!

И голубоглазая румяная женщина указала вправо, в направление стрелки. Александра перевела туда взгляд и отрывисто вздохнула. Затем еще раз. Ей никак не удавалось набрать полную грудь воздуха. Лицо закололи горячие иголки. Она будто издали слышала встревоженный голос спутницы:

– Что с вами?!

– Разве вы не видите? – борясь с накатившей дурнотой, спросила Александра. – Не узнаете ее?

Елена взглядела в комок тряпья (им казалось то, что темнело в снегу, в двух-трех метрах от железнодорожных путей) и вскрикнула.

– Неужели?! – Ее голос, возвысившись, тут же сник и угас. На лице внезапно обозначились морщины, прежде незаметные. Женщина разом постарела. – Не может быть... Как же так?!

– Это Марина? – Александра стояла, прикрыв глаза, стараясь дышать размеренно. – Марина?

– Она. Но... Как она могла...

– Вы знаете ее? – возбужденно спрашивала румяная женщина. Взгляды кучки зевак уже были прикованы к ним, гомон утих. – Знакомая ваша?

– Знакомая. – Елена ответила еле слышно, утирая согнутым пальцем слезящиеся глаза. – Какой ужас... Она ночевала у нас... Не могла она под поезд броситься... Я знаю ее. У нее все было хорошо. И встала веселая... Не заметила электричку, наверное.

– Наверное, – покладисто согласилась голубоглазая женщина. В ее голосе зазвучали нотки сострадания. – Если ей незачем было кидаться, значит, не заметила...

Вмешалась старушка, стоявшая рядом. Она тоже утерла глаза вязаной рукавицей и изрекла:

– Вот так все мы под смертью ходим. Захочет – возьмет... А дети у нее есть?

– Сын... – Александра словно сквозь сон слышала свой голос.

– Маленький?

– Взрослый. Студент.

– Все равно... Матери вдруг лишиться...

Налетевший внезапно из-за поворота поезд поднял снежную пыль, засверкавшую в солнечных лучах, смел голоса зевак, немо раскрывавших рты, пока состав миновал платформу, возле которой не собирався останавливаться.

– Не местная тем более... – слышала Александра окончание фразы, которую Елена обращала к своим землякам. – Наши-то сначала прислушаются, не идет ли поезд, потом переходят. Вот тут этот крутой поворот... Из-за него сколько уж погибло, особенно если пьяные, конечно...

Хор местных обывателей единодушно согласился с нею.

Только старик, с красным одутловатым лицом и неприятно пристальным взглядом, язвительно осведомился:

– Так она что, пьяная от вас шла, а, Лен?

На это Елена ничего не ответила. Презрительно поведя плечом, она отвернулась к Александру и заговорила о том, что ни в коем случае нельзя сообщать страшную новость Павлу – не сегодня, во всяком случае.

– Он сердечник, расстроится, ему будет плохо. Я его знаю! Сама скажу. Вы ему не звоните.

Александра соглашалась, сама не понимая с чем, кивала в ответ, непонятно на какие вопросы... Перед ее глазами внезапно возникли ходики, висевшие у Марины на кухне, старинные ходики с расписным фарфоровым циферблатом, их синие стрелки, с невозмутимой точностью отмерявшие минуты и часы... Когда Марина покупала их, то усомнилась, долго ли прослужит эта замечательная вещь. Но в конце концов махнула рукой: «На мой век хватит!»

«И впрямь, – думала Александра, поворачиваясь спиной к комку тряпья, медленно осыпаемому легким сверкающим снегом, порхавшим неторопливо, по-новогоднему безмятежно. – На ее век хватило. Она уже мертва, ничего не скажет, не нахмурится, не засмеется, а стрелки часов, сделанных много лет назад, все еще двигаются, отсчитывая время, которого для нее больше нет... Что такое человеческая жизнь, в самом деле?»

## Глава 5

В родительскую квартиру она вернулась уже далеко за полдень. Матери не было, но у Александры на дне сумки лежали ключи. Отперев дверь, она прошла по комнатам, заглянула в кухню и, вдруг окончательно обессилив, присела на узкий угловой диванчик. Ноги отказались ее держать.

«Надо же было бежать через пути сломя голову! Какое несчастье!»

Елена осталась разбираться с местными властями, все взяв в свои руки. Она сама предложила потрясенной художнице уехать, не дожидаясь полиции, мотивируя это тем, что Александра ничем помочь не сумеет. И все же художница ощущала угрызения совести из-за того, что уехала так торопливо, сбежала, бросив погибшую подругу в глухом поселке. Она со стыдом вспомнила, как совала Елене несколько сложенных купюр («Будто взятку!»), а та отказывалась брать. Наконец взяла, приговаривая: «Не стоило, мы не нищие!»

«Мы. Она говорит “мы”, словно они с Птенцовым супруги. Да так оно и есть, Елена очень интересная женщина, вряд ли они десять лет прожили бок о бок, как брат с сестрой. Должна была вспыхнуть искра. У них общее хозяйство. Птенцов не появляется больше в столице. Доживает дни в тепле и уюте, на природе, рядом с заботливой, доброй и миловидной женщиной. За него можно только порадоваться, его вдовство и старость могли быть куда горше!»

Александрю мучило страшное видение: распростертое тело подруги рядом с путями, стайка зевак, слетевшихся на кровь, порхающий в воздухе искрящийся снег, осыпающий пальто Марины... И вместе с тем она куда больше думала о рассказе Елены.

«Теперь понятно, почему Птенцова прозвали Плюшкиным, откуда взялась его мелочная жадность. Конечно, у него в сознании кровавыми буквами отпечатано, что жизнь зависит от куска хлеба... Как чудовищна его судьба! И в то же время его ведь можно назвать бесконечно везучим. Он выжил. Встретился с отцом. После войны жил сытой и спокойной жизнью, хотя его и терзали призраки страшного прошлого. Имел семью, жену и дочь, затем внуков. И даже овдовев, не остался одиноким. Боже мой, он видел Менгеле!»

Александра несколько раз видела фотографию Ангела Смерти, как прозвали палача заключенные, одну из тех немногочисленных, которые уцелели. Менгеле был запечатлен на ней в профиль, взгляд устремлен вниз, губы чуть приоткрыты. Александрю поражало безмятежное спокойствие, которым был пронизан облик этого садиста. На его лице отражалась внимательная кротость, как отражалась бы она на лице настоящего врача, спасающего жизни детей, а не занимающегося вскрытиями живых младенцев. Ангел Смерти выглядел как настоящий, самоотверженный врач, остающийся на посту во время страшной эпидемии. И оттого он был тем более ужасен. Такую убедительную подделку мог сотворить лишь отец всякой лжи – сам дьявол.

«И в глазах у Птенцова я заметила эту страшную тень, теперь понятно, чью! Когда он смотрел на меня ночью, выжидая, что я отвечу, не проговорюсь ли, не скажу ли чего лишнего ненароком о серебряном псе. Он не решался задать прямой вопрос, боялся. Этот молчаливый застывший страх, как клеймо, отпечатался в его взгляде навсегда!»

Звонок, раздавшийся в соседней комнате, заставил ее вскочить. Звонила мать.

– Наконец ты дома! – обрадовалась она. – Почему не позвонила утром, когда возвращалась?

– У меня телефон разрядился, а зарядник...

– Можно было попросить телефон хотя бы у твоей ненаглядной Марины!

– Мама... Она погибла.

После долгой паузы мать произнесла совсем другим, осторожным тоном:

– А что случилось?

– Попала под поезд.

– Ты была с ней?!

– Нет, я спала еще. Она уехала раньше.

– Господи... Ведь и ты могла попасть под этот поезд!

– Не знаю... – Перед взглядом Александры возник железнодорожный переезд. – Я бы остановилась. Когда идет поезд, на стрелке раздается сигнал... Его даже издали слышно.

– Марина могла задуматься и не услышать.

«Скорее, это я могла бы задуматься. – Художница глядела в окно, на порхающий снег. – Я вечно замечаюсь и не вижу, куда иду. Сталкиваюсь с кем-нибудь, спотыкаюсь обо что-то. Но под поезд или под машину все же не попадала. Марина была трезва, машинист, полагаю, тоже. Он бы дал такой гудок, что мертвый бы очнулся. Но там этот поворот... Поезд показался внезапно, она заметила его поздно, растерялась, заметалась, споткнулась... Только так все это и могло произойти. Удивительно, что поезд не остановился. И свидетелей нет. Ведь должны были люди что-то видеть? Ведь кто-то стоял на платформе, бродил вокруг этих убогих ларьков...»

Свидетелей утреннего происшествия среди зевак не оказалось. И это было необъяснимо, ведь на станции в утренние часы должно быть довольнолюдно. Из пересудов сельских обывателей Александра сделала вывод, что поезд мог миновать место трагедии без остановки только в одном случае: если Марина бросилась не под головной, а под последний вагон. Тогда машинист мог ее попросту не заметить. Подобный случай был несколько лет назад, проводилось следствие, и было доказано, что из-за рельефа местности и изгиба полотна в определенный момент машинист не может видеть в зеркальце то, что происходит возле последнего вагона.

«В самоубийство я не верю. Марина задумалась и случайно шагнула навстречу последнему несущемуся вагону, решив, что поезд уже проехал! Наверняка она думала о серебряном псе! Это он застил ей глаза!»

Очнувшись от своих тягостных мыслей, художница вновь услышала в трубке, прижатой к уху, голос матери:

– Я говорю, а ты не слушаешь, как всегда! Сегодня никуда не уходи, вчера отец страшно расстроился, когда узнал, что ты не приедешь ночевать. Не представляешь, как он тебя ждал! Ну, ты никогда о нас не думала!

– Нет, мама, я...

– Бессердечная эгоистка! – возвысила голос мать. – И всегда была такой! Всегда возилась со своим старьем, с бесполезным барахлом, с никчемными картинами, а на родителей тебе было наплевать!

– Но, мама...

– Хотя бы раз спросила меня, как мы живем, в чем нуждаемся? Другие дети заботятся о родителях... Но это другие! Я страшно жалею, что в свое время не родила еще одного ребенка! И опять же из-за тебя, не хотела, чтобы ты испытывала неудобства, лишилась отдельной комнаты, моей заботы...

Александра больше не решалась возражать, она молча сдалась. Этот разговор о нерожденном «втором ребенке» мать заводила всякий раз, когда была ею недовольна. То есть часто... Когда-то Александру ранили эти попреки, она принимала их близко к сердцу. Потом на смену обиде пришло понимание того, что матери нужно выговориться, излить душу, быть может, даже оскорбить дочь, чтобы как-то утешиться. «Ведь я в самом деле обманула ее ожидания, она надеялась, что я могу многого достичь. А в результате... Да и нет никаких результатов, вот что самое печальное!»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.